

Тарас Дрозд

***КОМЕДИИ
НИКОЛАЯ
ЛЕСКОВА***

две пьесы по произведениям великого русского писателя

Санкт – Петербург, 2013 – 2014 гг.

Комедия первая

Страсти Оноприя Перегуда

по мотивам повести «Заячий ремиз»

Действующие лица в порядке появления:

ОНОПРИЙ ПЕРЕГУД *в болезни.*

ОНОПРИЙ ПЕРЕГУД *в здравии.*

ВЕКОВЕЧКИН.

ХРИСТИНА.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ.

ЮЛИЯ СЕМЁНОВНА.

ТЕРЕНЬКА.

Авансцена.

Звучит церковное песнопение детскими голосами.

На табурете сидит худощавый седой господин лет 40-50-ти в рваном халате, вяжет шерстяной чулок и ведёт рассказ с умильным выражением лица.

ОНОПРИЙ ПЕРЕГУД (*в болезни*). Определили меня вот сюда, в это богоугодное заведение, в простонародье называющееся домом для душевнобольных. Занимаюсь я тут любимым занятием, и счастлив теперь. (*Показывает чулок большого размера, который вяжет.*) А про то, как я сюда попал, хочу рассказать вот что. Зовут меня Оноприй Перегуд, потому как я из села Перегуды. Село наше огромное, длиннющее, и расположено на самой границе, а потому один конец села находится ещё в лесной полосе России, а южная часть уже в казацкой степи, где москалей и жидов всегда не очень жаловали. Дед мой Опанас прославился тем, что полсела сделал Опанасовичами. Он страхом всех жидов из села повыпихал, разметав с холопятами их бэбэхи, чтоб не было тут подлого духу, но потом на него жаловались, что сам стал давать гроши под куда большие проценты, чем раньше было. А когда он умирал, то призвал попа Маркела в красных чоботах, и шепнул ему на ухо какую-то заклятку. После чего поп Маркел долго читал с амвона речи в честь умершего, и давшего денег на колокол, а после, вздохнув, сказал в сердцах, что после такого заклатья нашему селу никогда не быть ни торговым местечком, ни городом. Отец мой, тоже Опанас, дослужился уже в царской армии до чина майора и вышел в отставку по ранению и с пенсией, а потому жили мы сытно, и матушка моя очень отца за это любила. И вот как-то наше село решил проведать сам архиерей из города, и всем про то стало известно. И отец мой написал ему письмо

с приглашением отобедать сначала у него, чем у попа Маркела, потому как они с архиереем когда-то в бурсе рядом спали. А когда архиерей приехал, то стал над отцом подшучивать, что его коллега не очень-то разбогател в жизни. На что отец отвечал, что тем только и хорошо, что у него детей не много, только один сын, но и того надо в люди вывести, учить надобно. Архиерей, когда узнал, что я уже отучился у дьячка, спросил меня, что я знаю из Писания. А когда ему сказали, что у меня приятный голос, велел мне что-нибудь запеть. И я спел очень глупый стих. *(Поёт.)*

Сею-вею, сею-вею,
Пишу просьбу архиерею!
Архиерей мой, архиерей,
Давай денег поскорей!

Родители мои сконфузились, а гость рассмеялся и говорит. Оставьте укорять дитя, мне его поза рожки очень понравилась, я его, можно сказать, полюбил за невинность, и предлагаю взять к себе для дополнения певчего хора. Обещаю обувать и одевать, обучить всем наукам, а потом в стихари перевести, после чего он будет участвовать в церемониях. Матушка согласилась, а отец раздумывал. Архиерей ему и говорит. Нет на свете счастливейших, как те, что заняли духовные должности, потому что находятся ли люди в горе или радости, духовные от них хоть что-то да собирают, ибо Россия ещё такова, что долго из того круговращения не выступит. Отец мой думал, что дитя его выйдет в судебные панычи, а то и до станowego вырастет, который и сечёт и саблюкою машет. На что архиерей сказал. А захочет твой сын быть светским, то и это мне будет не трудно, я попрошу вице-губернатора и запишут его в приказные, а потом он и на станowego выйдет. Отчего отец бросился с благодарностью к владыке, и они обнялись и смешались в слезах умиления, и тем моя судьба была решена. Получив благословение родителей, я уехал с владыкою в город, где получил при архиерейском доме воспитание и образование по сокращённому методу, на манер прынца, занимая самые привлекательные должности.

КАРТИНА ПЕРВАЯ
Оноприй и Вековечкин.

ВЕКВЕЧКИН *(одет в скромный сюртук серого цвета, в сапогах.)* Ты, Оноприй, твёрдо запомни, что в первую голову для насаждения непоколебимости веры треба заучить. Не сумнися о вере, человеце! Не один бо есть, и не десять, и не сто свидетелей о вере, но бесчисленно народу.

ОНОПРИЙ *(в здравии, молодой, одет в холицовую рубаху и порты серого цвета, босой).* Я это по вашим тетрадкам крепко заучил.

ВЕКОВЕЧКИН. Первые свидетели – суть пророки. Вторые свидетели – апостолы. А самое главное знать – сколько было святых. Как только зайдёт у тебя спор с каким-либо умником или академистом, ты сразу выводи его на основной вопрос. Сколько было истинно святых? И я тебе ручаюсь,

что как только ты спросишь «Сколько було?» - иной не ответит, а иной сбрышет. А ты его как должен срезать перед начальством?

ОНОПРИЙ. В сентябре было 1100 святых, в октябре 2543, в ноябре аж 6500, в декабре ещё больше 14400, а в генваре даже 70400, а в феврале убывает, всего 1072, в марте даже 535, а в июне всего 130. Всё точно, как у вас записано.

ВЕКОВЕЧКИН. Молодец. Это в учебниках разные предположения и рассуждения, а ты должен твёрдо знать, в лето какого года родилась богородица, в какое лето благовещение, когда родился господь, и в какое лето какого года крестился, и в какой час ночи.

Авансцена.

ОНОПРИЙ *(в болезни)*. Обучаться в хоре мы должны были от лица, которого называли почему-то инспектором. Именовался он Евграфом Серафимовичем Овечкиным. Но впоследствии фамилию изменил. На него пало подозрение в приспешении смерти жены, после чего ему священнодействовать было запрещено, он сложил сан и вышел в светское звание. В училище он был смотрителем, и сёк нас как никто другой, но превосходно знал ведение приказных дел, особенно по письменной части, потому владыка им очень дорожил и имел за инспектора по образованию. Он знал всю-всюсеньку историю и прозирал любую страсть в человеке. Потом уже он стал инспектором при вице-губернаторе как приказной дьяк, а потом и выше пошел. Фамилию Овечкин переименовал, стал называться Вековечкин. И через то многие деяния его сокрылись.

КАРТИНА ВТОРАЯ
Вековечкин и Оноприй.

ВЕКОВЕЧКИН. В моих тетрадях всё прописано и головы ломать не надо. Та же Французская революция в разных книжках расписывается на несколько страниц...

ОНОПРИЙ. А у вас семь строчек и я весь артикул наизусть помню.

ВЕКОВЕЧКИН. А ну!..

ОНОПРИЙ *(зычным голосом)*. Сие ужаснейшее и наипозорнейшее событие, вовсе не достойное внимания, но совершённое на основании бессмысленных и разрушительных требований либертите и егалите, окончилось уничтожением заслуг и смертью короля французского на эшафоте, после чего Франция была объявлена республикою. С тех пор значение Франции ничтожно.

ВЕКОВЕЧКИН. Они ведь что сделали? Собрали шайку головрезов, запели себе мартальезу, и раскидали собственноручно свою же крепость Бастиль. Да ещё и поубивали верноподданных слуг королевских, а злодеев спустили с тягчайших цепов на волю. Это проклятый народ.

ОНОПРИЙ. Совершеннейше с вами согласен, Евграф Серафимович.

ВЕКОВЕЧКИН. А ты молоде-ец!.. *(Весело треплет по голове.)*
Молодец, смышлёный!

Авансцена.

ОНОПРИЙ *(в болезни, с вязанием)*. Вскоре я изучил наизусть все тридцать девять пунктов поклонения перед владыкою, меня посвятили в стихарь и научили, как в нём ходить. Потом я был исполатчиком, но потерял голос и стал посошником. Потом носил рипиды, был книгодержателем и священосцем, лучше меня никто не умел уложить на подносе святыне предметы. Потому как всё это есть наука! Архиерей, видя все мои аккуратности, уговаривал меня жениться и идти в белое духовенство, но я – вообразите – не захотел от весьма престранного случая, в котором даже стыдно и сознаться. Представьте себе, я влюбился, и сразу в двух, в вице-губернаторскую жену и её дочь, на дому у которых пел сочинённые Вековечкиным песнопения. По той причине я и спал с голоса. А по неизвестной мне причине владыка призвал меня и говорит. Будет уже тебе дьячковать. Он, как обещал ранее, попросил обо мне вице-губернатора и тот записал меня в приказные, а через несколько дней велел доложить владыке, что я назначаюсь прямисенько к нам в Перегуды за станового. У нас было величайшее конокрадство, и он полагался на меня, что я эту пакость уничтожу и выведу.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Оноприй в мундире и Вековечкин тоже в другом одеянии.

ВЕКОВЕЧКИН. Если ты будешь поступать со злодеями по законам гражданским, то будешь дурень, ибо это не годится, потому что злодеи не суть граждане, а враги гражданства. А ты держись против них закона духовного. Понимаешь ли, как это следует делать?

ОНОПРИЙ. Нет. Даже совсем не понимаю. Я ведь обучался с певчими облегчённым способом, и совсем ничему не научился.

ВЕКОВЕЧКИН. Да полно тебе, дурню, жалобиться! Не с тобой одним так случилось. Просвещёнными делаются в жизни. Если ты по облегчённому учился, то облегчённо и суди.

ОНОПРИЙ. А как это?

ВЕКОВЕЧКИН. Наш народ человеческой справедливости не знает, а свыше уважает божественность. Ты вот тем и руководишься. Вот тебе книжка синодальной печати. Видишь? Отпечатано!..

ОНОПРИЙ *(читает)*. Чин бываемый во явления истины между двома човекома тяжущимися...

ВЕКОВЕЧКИН. Тут найдешь себе достаточно правил на всякие богоучреждения. И сим искоренишь злодеяния. А меня помни по праздникам. *(Вручает книгу.)*

Авансцена.

ОНОПРИЙ (*с вязанием*). Так остался я сиротой на сей земной планете, да ещё со множеством злодеяний, которые должен был извести по «Чину явления истины»! Пошив новую форму и шапку с чирушком, поехал я в Перегуды явить истину и покоить мою драгоценную мать, которая последовала за моим родителем туда же, где нет ни печали, ни радости, а одна только жизнь вечная. Служба у меня заладилась, взял я себе служительку Христину, молодую и довольно прелепенькую сиротинку, и все складывалось благостно, как вдруг наш поп Маркел окончился скорописною смертью. Ко гробу его понаехали студенты не только из бурсы, а даже академисты, и стали на дочку его Домну Маркеловну ненасытные очи пущать и стрелы стрелять. И самый ловкий из них, Назарко, поэт и мечтатель, взъерошил над гробом волосы, вытянул вперёд руку и произнёс речь такую, что сразу въехал в пшеничное сердце Домны Маркеловны. Она влюбилась в него, как кошка, и он вскоре учинился попом, и сел у нас в Перегудах. И стал этот шельмец вдруг вмешиваться не в свои дела, стал в мою часть заступать. Вдруг почал на духу людей выпрашивать: «чи довольны ли вы жизнью, не смущает ли вас кто, что можно ожидать лучшего, и как становой берёт с вас подати?»

*КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ**Оноприй и Христина.*

ХРИСТИНА (*входит, утирая слёзы и причитая*). Ой, Господи, Господи-и, что же то буде-ет!..

ОНОПРИЙ (*появляясь в домашнем одеянии*). Ты чего, Христя?

ХРИСТИНА (*плача*). Я была на исповеди у отца Назария... Так он меня умаял расспросами, как я тут с вами живу!..

ОНОПРИЙ. Чего это он?

ХРИСТИНА. Да какой у нас в доме порядок, да не принуждаете ли вы меня к чему-либо, да какие речи говорите, да как службу свою исполняете!..

ОНОПРИЙ. Да это же не его дело! Что он себе удумал?

ХРИСТИНА. Все люди теперь смеются надо мной. Чего это поп её одну так долго выпрашивал? Кто-то же ему про нас всякие пустяки выкладывал?

ОНОПРИЙ. Да ну, оставь! Нехай он себе что хочет, то и думает.

ХРИСТИНА. Откуда ему всё известно, как будто он тут жил с нами вместе?

ОНОПРИЙ. От ведь шельмец!

ХРИСТИНА. Вы ему ничего не рассказывали?

ОНОПРИЙ. Да как можно, ты что! Я ему только про службу свою рассказывал, как злочинцев к признанию вывожу. Он слишком уж интересовался, как мне удалось конокрадство вывести.

ХРИСТИНА. Всё, я теперь не хочу с вами ни того, ни этого.

ОНОПРИЙ. Да как ты можешь на меня подумать, Христя?

ХРИСТИНА. Всё, жить в селе боле не желаю, а пойду в город и буду там, пока моей красоты есть. Служить у вас дальше не хочу!

ОНОПРИЙ. Ну и провались ты совсем, чёртова баба!

ХРИСТИНА. Вот прямо сейчас и уйду! *(Уходит.)*

ОНОПРИЙ *(в след ей)*. Иди, иди!.. *(Ходит в раздражении.)* Да как же это он смеет вмешиваться в нарушение свободы моей кавалерской жизни? Надо мне против него что-то делать в самоскорейшем времени. А ну!.. *(Достаёт книгу, листает.)* Ничего нет!.. Хоть книга и пропечатана, но не может объять всё разнообразие жизни. Что же мне делать? Два выбора. Идти и объясниться с Назаром, чтоб он всё это оставил. Либо написать на него донос, что он человек сомнительный.

ХРИСТИНА *(возвращаясь)*. Ладно, останусь с вами. Пусть там что хочут, то и кажут, а я одна жить боюсь, мне иногда мертвяки снятся. Нехай бог милует. Пускай опять будем по-прежнему. Может ещё и женитесь.

ОНОПРИЙ. Ну, вот и гаюшки.

ХРИСТИНА. Ещё чего сказать хотела. Люди недовольны попом Назаром. Не только я. Они через меня до вас спрашивают. Что это у попа за новая поведенция? Что это он выспрашивает каждого: «Чи не задумляешь ты чего прочего? А не говорил ли твой сосед чего особого?» Никогда такого не было, и в законе божом про то не сказано. Вас они просят, как человека просвещённого, вы ж у архиерея со свечой стояли, чтоб рассудили, про что новый поп их надоумливает, а не то они в другое село уйдут.

ОНОПРИЙ. Ого, какая колобродь пошла! Люди приход бросить согласны? Да это уже преступление! Надо скорее писать.

Авансцена.

ОНОПРИЙ *(в болезни)*. И пока я раздумывал, как лучше донос написать, меня вдруг вызывают к самому вице-губернатору. Но встретил меня не он.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Оноприй в форме и Вековечкин в мундире.

ВЕКОВЕЧКИН. Вице-губернатор мне велел с тобой дело рассудить.

ОНОПРИЙ. Оно и хорошо. Потому как я к вам отдельно собирался, многообажаемый. Вина даже купил. *(Показывает котомку.)* Потому как не по всем вопросам разъяснения есть в вашей книге. *(Достаёт из котомки книгу.)* У меня с отцом Назарием заковыка пошла, и я не знаю, как на него донос написать.

ВЕКОВЕЧКИН. Покуда ты думал, он уже на тебя написал.

ОНОПРИЙ. Как это?.. Когда? И что он про меня написал?

ВЕКОВЕЧКИН. Что ты конокрадов принуждаешь к признанию не по чину. Ты ему рассказывал, как дознания ведешь?

ОНОПРИЙ. Рассказывал. Он спрашивал, я и рассказал.

ВЕКОВЕЧКИН. Что ты ему рассказал?

ОНОПРИЙ. Что все юридические познания беру из вашей книги «По чину явления истины».

ВЕКОВЕЧКИН. Ты ему про меня рассказывал?

ОНОПРИЙ. Нет, только про книгу. В которой предлагается всякому злодею устраивать вину богоухищрённым способом. Поставить его у прито-локи двери и читать вслух молитвы. И особо сгущать интонации на чудесные слова. *(Грозно.)* Погубиши вся глаголяще лжу!.. Гроб отверст гортань их!.. Суди им и погуби, погуби, погуби!..

ВЕКОВЕЧКИН. И ты это так с конокрадами обращался?

ОНОПРИЙ. Так ведь так прописано вот здесь. *(Тычет в книгу.)* Я как гляну на него, на конокрада, гордым оком, да как скажу: «Процвествь моя плоть, а нечестивый погибнет!» И вот уже злодей сотрясается от ужаса и готов сказать «виноват». А я тогда сажусь, беру в руки перо и читаю, как молитву: «Спробуем пера да чорнила, що в йому за сила? Аще дерзнёшь сказать неправду, то земля пожрёт тебя и воспримешь проказу и удавление Иудино!» Как они боятся сего удавления, шоб вы знали!.. Проказа ещё ничего, бо они, дурни, по правде сказать, и не знают, что такое проказа, а вот удавления и провалиться сквозь землю все боятся. Страшно, знаете. Под землёй ведь черти. И бывало даже самый отчаянный закричит: «Буде! Я лучше в чём хотите скаюсь, чем такие страхи слушать!»

ВЕКОВЕЧКИН. Ты какой-то простой и наивный, Оноприй. А потому дурак. Тебя даже грех наказывать.

ОНОПРИЙ. Вы же меня сами учили, что по цивильным законам постичь от человека дознания не сможешь. А тому, кто упорствует, в конце книги отдельное разъяснение. Кто запрётся, того бить кнутом по три дня, посадить на год и разымать пыткую. И мне верят, потому что в книге пропечатано. Я только про это отцу Назарию сказывал. Он мне возражать начал, что я не имею права вести дознание не по чину, молитвы читать другому может только священнослужитель. А я ему сказал, что у самого архиерея в хоре пел, потому все молитвы и службы знаю.

ВЕКОВЕЧКИН. Значит, про меня ты ему ничего не рассказывал?

ОНОПРИЙ. Нет. Только то, что вы мне эту книгу дали и наставляли как пользоваться.

ВЕКОВЕЧКИН. От йолоп! Теперь понятно, почему вице-губернатор мне велел с тобой разобраться.

ОНОПРИЙ. Так что он там про меня написал?

ВЕКОВЕЧКИН. Да откуда ж я знаю, что он написал? Он вице-губернатору написал! А тот велел мне тебя встретить! Дурень!.. Он там про людишек вашего села много чего написал. Вот скажи, поют ли у вас такую песню?.. *(Читает по доносу.)* Колысь було на Вкраини добре було жыты...

ОНОПРИЙ. Поют. В южной части села такую поют. Спивают.

ВЕКОВЕЧКИН. А почему же ты про то ничего не доносил?

ОНОПРИЙ. Да что ж доносить про такие пустяки?

ВЕКОВЕЧКИН. В этой песни есть такие слова?.. Добре було жыты, як не знали наши диды москалям служиты. Так?

ОНОПРИЙ. Точно так. Таких песен у нас много, а бывает, что люди новые песни слагают.

ВЕКОВЕЧКИН. Какие?

ОНОПРИЙ. Да я не помню. Я на такие глупости внимания не обращаю.

ВЕКОВЕЧКИН. А вот поп Назар запомнил и написал. И ты впредь будь умнее. Ну не будь ты таким простым. И на все пустяки, как тебе кажется, обращай внимание. Не только на тех, что коней крадут, но и на тех, что песни поют. Потому что это не пустяки. Ну, доставай, что ты там за вина купил?

ОНОПРИЙ *(достаёт из котомки две бутылки вина, ставит на пол)*.
Немецкое вино мадера для поддержания здоровья вашего.

ВЕКОВЕЧКИН. Вино мадера хоть идёт из немецкого города Риги, оно не немецкое, а гречское. Ты запомни вот что, Оноприй. Воры и разбойники всегда были и впредь будут. А вот ныне появились новые взыскатели. Мужской пол в больших волосах и в шляпах оной же земли греческой, где мадера произрастает. А женщины стриженные и в тёмных окулярах. И глаголятся они все сицилисты. Или, то же самое, что потрясователи основ. Ибо они есть те, кто троны шатают. Так вот, если хочешь отличие получить, то сцапай хоть одного из них. Тогда будет к тебе иное внимание.

ОНОПРИЙ. Да у нас в Перегудах ни про каких потрясователей и слуху нет.

ВЕКОВЕЧКИН. Они нынче всюду проникают. Это как раз и есть то самое, что ты о Франции учил, которая республикой сделалась от матральезы, от песни. Поэтому смотреть внимательно надобно. Ты конокрадов брось. Их хоть всех перелови – чести не заслужишь. А вот поймашь хоть одного в шляпе земли греческой, или жинку стрижену в окулярах, то отберёшь награду лучше Назария.

ОНОПРИЙ. Как? Неужели Назарий уже и к награде приставлен? Когда?

ВЕКОВЕЧКИН. А вот, когда снег выпадал, тогда Назарию и награда на грудь упала.

ОНОПРИЙ. Господи, да где же справедливость на свете! Я столько конокрадов изловил, столько коней мужикам возвратил, и мне за это ничего не свалилось. А поп Назарко что-то написал, шось наврал, и уже награду сцапал?

ВЕКОВЕЧКИН. Хочешь награды?

ОНОПРИЙ. Очень. Не могу так служить. Я сейчас в собор пойду, и молиться буду у святых мощей. Я теперь покойно спать не смогу, пока не открою хоть одного потрясователя, и не вотру Назарию под его керпатый нос самую наиздоровещую дулю. Вот клянусь! *(Крестится.)*

Авансцена.

ОНОПРИЙ *(с вязанием)*. А в писании сказано. Не клянись вовсе! И это справедливо. Потому как сразу после того, как я залялся, сделался у меня оборот во всех мыслях и во всей моей жизни. Забросил я «Чин явления истины» и совсем перестал смотреть конокрадов. А только одного и убивался. Как бы мне повстречать сотрясователя основ и его сцапать. А потом вздеть на себя орден по крайней мере не ниже того, что у отца Назария, а, быть может, и выше.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Спальня Оноприя. Темно. Оноприй вскакивает, кричит во сне и стреляет из шестиствольного револьвера под лежанку.

ОНОПРИЙ. Стой!.. Где?.. Хватай его! *(Стреляет ещё раз.)*

Вбегает Христина с лампадой.

ХРИСТИНА. Господи!.. Что это вы, Оноприй Опанасович, будто зовсим сдурилы? С вами в дома аж буты страшно. А это шо у вас? Вы из этого жахаете?

ОНОПРИЙ. Это револьвер-бульдог. У жида купил.

ХРИСТИНА. Зачем?

ОНОПРИЙ. Иди себе, Хрестя, это не твоего ума дело.

ХРИСТИНА *(ласково)*. Это правда, миленький, что я простая жинка, и ничего не понимаю. А вот если б вы мне рассказали, то я бы и уразумела. Вы так кричали... *(Ласкается.)* Ну, скажите, моё сердце, кого это вы боитесь?

ОНОПРИЙ. Злодеев боюсь.

ХРИСТИНА. Вы, такой храбрый пан, что никогда никого не боялись, а тут вдруг забоялись? Нет, это вы, сердце моё, что-то брешете. А какие они, эти злодии, молодые чи старые?

ОНОПРИЙ. Да какие ж старые! Они совсем ещё в свежих силах.

ХРИСТИНА. Ото хорошо, что они молодые. От как бы они тут появились, я бы на них подывылась.

ОНОПРИЙ. Дура! Она бы подывылась! А ты не подумала, в каком они страшном уборе?

ХРИСТИНА. Ото ж! Чего я буду так страхуваться? Если они молодые, то в любом убраньи будут хороши.

ОНОПРИЙ. Они в шляпах земли греческой!

ХРИСТИНА *(игриво)*. А какая же это такая шляпа?

ОНОПРИЙ. Да вот то и есть, что я не знаю, какая это шляпа. Мохнатая!

ХРИСТИНА. Ну так что ж, что мохнатая? Может, это и не страшно.

ОНОПРИЙ. Это очень даже страшно. А ну, как он на тебя наскочит? Сразу испугаешься и упадёшь!

ХРИСТИНА *(лукаво)*. Ну, это ещё не известно.

ОНОПРИЙ. Очень хорошо известно! Если они созданы колебать основы и шатать троны, то уж от тебя-то и мокрого места не останется.

ХРИСТИНА. Всё в божой власти. А может они ещё ничего мне и не сделают.

ОНОПРИЙ. Ишь ты, какая дрянь! Ну, если ты так хочешь, то пусть он тебя забодает своей шляпою!

ХРИСТИНА. Да что вы меня всё шляпой пужаете?

ОНОПРИЙ. Да они ведь убийственники!

ХРИСТИНА. Ну, мужчин они, может быть, и убивают, а жинок-то за що?

ОНОПРИЙ (*толкает её*). Иди вон из моей комнаты!

ХРИСТИНА. И уйду. И с превеликой охотой. Раз вы ничего не хотите. Я уж и так и так, а он меня всё шляпой пугает. Да я её не боюсь!

Затемнение.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

К Оноприю заходит ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Здравствуй, Оноприй! Здравствуй, душа моя! Вот, решил зайти по-родственному.

ОНОПРИЙ. Да неужели просто так, по-родственному?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Ну, ты ж Опанасович, а я Афанасьевич. Мой отец был тебе дядя. Как же ж не по-родственному? Давно ж не виделись. У меня к тебе нижайшая просьба.

ОНОПРИЙ. Ну вот, а говоришь, что просто так.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Как ты знаешь, я приглашаю к себе, на воспитание племянницы, женских особ, способных и желающих обучать.

ОНОПРИЙ. И всё молоденьких. Знаю, кто ж не знает. Ты у нас прелюбодей известный, про то все знают.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Да злые языки только наговаривают!..

ОНОПРИЙ. Ты и племянницу золотушную взял к себе на воспитание только для этого дела. Чтоб нанимать для неё учителей. И чтоб они не только обучали да хозяйство вели, но и супружеские обязанности исполняли. Потому как с женою ты давно разъехался. Да ещё желательно, чтоб воспитателька по французскому разговаривала. Ты ж отменного образования, учился в московском пансионе Галушки!

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Ты не хочешь мне помочь? (*С укором.*) Оноприй!

ОНОПРИЙ. Да я сколько раз тебя выгораживал, Митрий Афанасьевич? Они ж, когда узнают, что ты от них не только хозяйственных обязанностей требуешь, они бегут ко мне жаловаться. А я должен их уговаривать, что спором ничего не докажешь, лучше не спорить, а если не трудно чего исполнить, то лучше исполнить. За что мне последняя прямо в лицо плюнула. Не хочу я больше тебе вспомогать таким образом.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Сейчас у меня другая печаль. Я на этот раз так провалился, как никогда ещё не было. Оноприй, мне без тебя никак.

ОНОПРИЙ. Ладно, растолкуй, хоть послушаю.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Когда мне последняя учителка синяк поставила...

ОНОПРИЙ. Это строптивая полька с большим ртом? В меня она плюнула, тебе ключи в рожу бросила ...

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Оноприй! Ну что за слова? Как мужик, ей-богу. В общем, я с таким обличьем в город ехать никак не мог. И выписал новую воспитательку по газете. Она приехала, я как глянул, Господи, твоя воля, ну и физия!.. Нет, эта Коломбина моему Перо никак потрафить не сможет. А она сразу за дело. Пока я раздумывал, как бы от неё избавиться, она хозяйство уже в руки взяла. Я тогда к племяннице, может тебе новая учителка не по душе, может строга?.. А она: нет-нет, эта мне очень даже любя, больше нравится, чем другие, и прямо в рот ей смотрит. Поэтому только на тебя у меня надежда. Может, ты её как-то нагонишь?

ОНОПРИЙ. Эге, удумал! Как я её нагоню?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Ты же власть. Документики проверь. Она говорит, что петербургского образования. А ты спроси бумагу из той педагогики. А если нет такой, а мне кажется, что нет, то скажи, что у тебя тут порядок, и лица в подозрительном виде нежелательны. Она ж всё время в тёмных окулярах. Глаз совсем не видно. Как я могу жить с человеком, если не вижу, что у неё на уме?

ОНОПРИЙ. Тут я с тобой согласен. Глаза человека это есть вывеска души.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. А страшная! Нос картошкой и без косы. Стриженная на городской манер.

ОНОПРИЙ (*заинтересованно*). Как? Стриженная, говоришь?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Как стрижена? Да почти без волос. И в тёмных очках. Глаз не видно.

ОНОПРИЙ. Стриженная и в тёмных очках? О, да такая особа мне как раз весьма интересна!..

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Помоги, Оноприй. Ну что ж мне теперь, неизвестно сколько страдать-терпеть?

ОНОПРИЙ. А что у неё за такие окуляры?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Вот такие круглые. Как у жабы беркалы.

ОНОПРИЙ (*азартно*). И стриженная?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Совсем коротко. У нас так волос не носят. А ну как наши бабы с неё моду возьмут? Не понимаю, как это цензура всем таким малявкам позволяет печатать про себя в газетах объявления? Если б я был главный цензор, никогда бы такого не вышло.

ОНОПРИЙ (*размышляя*). Очки такие, что глаз не видно?..

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Так она их не скидает совсем.

ОНОПРИЙ. Не скидает? А чего ж ты не потребуешь?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Да с какого повода?

ОНОПРИЙ. А ты знаешь, пойдём!.. Очень мне надо бы вблизи её рассмотреть. И поговорить. Я думаю, что для меня она очки снимет.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Вот и слава тебе!.. Ты уж поостроже.

Затемнение.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Гостиная в доме Дмитрия Афанасьевича.

За столом сидит с вязаньем Юлия Семёновна.

Входят Оноприй и Дмитрий Афанасьевич.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Здравствуйте, Юлия Семёновна! Вот мой сродственник Оноприй Опанасович, он у нас становой, хочет с вами познакомиться и спросить про что-то.

ЮЛИЯ. Здравствуйте. Проходите, садитесь. Я вам охотно отвечу на всё, что вас интересует. *(Продолжает вязать.)*

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ *(Оноприю, тихо)*. Видишь, она уже как у себя дома... *(Громко.)* А вы бы нам самоварчик не поставили, Юлия Семёновна?

ЮЛИЯ. Самовар горячий, мы только что чай пили. *(Откладывает вязанье.)* Девочка у себя, читает. Я ей книжку дала для самостоятельного прочтения. *(Выходит и тут же возвращается с большим подносом, на котором самовар и чашки с ложечками.)*

ОНОПРИЙ. Расспросить мне вас хочется вот про что.

ЮЛИЯ. Да вы садитесь.

ОНОПРИЙ. Сяду. Я когда про дело интересуюсь – не могу сидеть.

ЮЛИЯ. Про что же вы хотите узнать? *(Разливает чай.)*

ОНОПРИЙ. У меня что-то в последнее время стали очи притомляться. Повредил я остроту зрения письменными занятиями. И мне говорят: да купи ты себе окуляры.

ЮЛИЯ. По-русски – очки.

ОНОПРИЙ. Да. Вот я и хотел бы знать, что это за такое, что в них за сила, какая им цена и где можно купить?

ЮЛИЯ. Это очень полезное изобретение человечества. Не знаю, где их купить в вашем городе. У меня из Петербурга.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Что ты вдруг задумал, Оноприй? Да каков ты будешь в очках? Ты же власть, начальство.

ОНОПРИЙ. Знаешь ли, Митрий Афанасьевич, есть такое присловие. Як що всэ идэ по моді, то і морда до моды прэ́тсся. Не слышал?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Не слышал.

ЮЛИЯ. Это на каком же языке?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Ну, а тебе-то что с того?

ОНОПРИЙ. А то, что я хочу купить потемнённые окуляры, чтоб глаза облегчить.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Ну, это не ко мне. Я не жид и очками не торгую.

ОНОПРИЙ. А я совсем и не к тебе. Ты сказал, что Юлия Сэмэновна как раз такие носит. Вот я до неё и прошу ласки.

ЮЛИЯ. Какой ещё ласки? Что-то я вас совсем не понимаю.

ОНОПРИЙ. Это я так выразился. А прошу ласкового ответа. Хотел бы знать, по чём такие окуляры платятся? Что в них за сила? Сгодятся ли мне такие, или не сгодятся?

ЮЛИЯ. Цена везде разная. У каждого торговца своя. Мне эти подарили.

ОНОПРИЙ. Не могли бы вы, многообожжаемая Юлия Сэмэновна, позволить мне посмотреть в ваши окуляры?

ЮЛИЯ. Сделайте милость. *(Снимает очки, подаёт. Ждёт, когда Оноприй возьмёт их.)* Вы же про очки спрашивали. А чего так моё лицо рассматриваете?

ОНОПРИЙ *(смутившись)*. Да, конечно, мне окуляры глянуть надобно... *(Берёт очки, надевает.)* Посмотри, Митрий Афанасьевич, как они до позы моего лица?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Идём к окну. *(Встаёт из-за стола.)*

ОНОПРИЙ. Куда идти? Мне что-то плохо смотреть.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Сюда иди. *(Ведёт его в сторону.)* Стань вот здесь, чтоб на свету. Ну, Оноприй, ты как студент. Ты в них совсем не становой.

ОНОПРИЙ. Да и не вижу я в них ничегошеньки. *(Снимает очки. Говорит тихо.)* Ты зачем говорил, что у неё нос картошкой? Вполне аккуратненький носик. И глаза светлые и милые.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Не, до моего Пьеро такая Коломбина не подходит.

ОНОПРИЙ. Ну, конечно, не пышная. Какого-то болезненного сложения... *(Идёт к Юлии Семеновне, возвращает очки.)* Покорно благодарю. Мне в них неловко.

ЮЛИЯ. Да, к ним нужно привыкнуть.

ОНОПРИЙ. А вы давно к ним привыкли?

ЮЛИЯ. Давно.

ОНОПРИЙ. А смею ли спросить, с якого powodu?

ЮЛИЯ. Я была больна.

ОНОПРИЙ. И на какую болезнь страдали, осмелюсь спросить?

ЮЛИЯ. У меня был тиф.

ОНОПРИЙ. О, тиф, это пренеприятнейшая болезнь. В этих обстоятельствах вы и остриглись? Потому как при тифе волосы прямо лезут. Это разумнейшее, постричься, чем совсем плешкой остаться. А женщине это совсем некрасиво. Но я так смотрю, что болели вы давно, а стрижётесь так и теперь, как бы специально? Это, знаете, те, що богатого сословия,

то они что хотят, то и могут делать, моды всякие уставлять, а вам, девице небогатого звания, стрижка такая нейдёт.

ЮЛИЯ. Извините, но я не желаю отвечать на ваши суждения.

ОНОПРИЙ. А что так?

ЮЛИЯ. Они мне не интересны. *(Берётся за вязание.)*

ОНОПРИЙ. А что это вы за вязанье вяжите?

ЮЛИЯ. Это чулки.

ОНОПРИЙ. Да, вижу, грубой шерсти. Кому же это?

ЮЛИЯ. У кого их нет. Бедным людям.

ОНОПРИЙ. Ага! Превосходное это чувство – сострадание. Вот мы, знаете, по обязанности, должны участвовать в сборе податей и продавать излишки. Так, господи Боже, что только делать приходится для бедных. Ужась!

ЮЛИЯ. Зачем же вы делаете, если потом ужасаетесь?

ОНОПРИЙ. Эх, многообжаемая Юлия Сэмэновна, если б вы всё видели и знали, какие обиды и неправды деются. А позвольте узнать, какое ваше понятие о богатых и бедных?

ЮЛИЯ *(не сразу, подумав)*. Обольщение богатства заглушает слово.

ОНОПРИЙ. Как превосходно! Если б все так понимали!

ЮЛИЯ. А это только так и должно понимать и говорить людям.

ОНОПРИЙ. Ах, как хорошо. Извинит меня, но я даже запишу, бо не сохранию в памяти.

ЮЛИЯ. Пожалуйста. Запишите.

ОНОПРИЙ *(достав книжечку и карандаш)*. Только вот я сегодня палец наколол и мне писать трудно. Не сделаете ли одолжения, не впишите ли эти слова в мою книжечку.

ЮЛИЯ. С удовольствием. *(Берёт книжечку, пишет, возвращает.)*

ОНОПРИЙ. О, да вы тут и другие слова записали... *(Читает.)* Обольщение богатства заглушает слово... Богатые притесняют вас, и влекут вас в суды, и бесславят ваше доброе имя... Ах, как превосходно!.. Почерк у вас вроде архиреевского. Благодарю наисердечнейше, многообжаемая... *(Быстро выпивает чай.)* Извини, Митрий Афанасьевич, но я вспомнил, что обещался к Назарке зайти. Так что спасибо за угощение. Про окуляры я всё распознал, я такие носить не стану, за что вам нижайшая благодарность, Юлия Сэмэновна. Позвольте даже ручку поцеловать.

ЮЛИЯ *(встаёт, убрав руки за спину)*. Ни к чему это. *(Выходит.)*

ОНОПРИЙ *(вслед ей)*. Ещё раз благодарю сердечно!.. *(Когда Юлия вышла, показывает Дмитрию Афанасьевичу книжечку.)* Видел?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Видел. Ну и хват же ты.

ОНОПРИЙ *(пряча книжечку в карман)*. А ты что же обо мне думал?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Как же просьба моя, Оноприй? Избавь ты меня от неё.

ОНОПРИЙ. Теперь будь покоен. *(Идёт на выход.)*

Затемнение.

Авансцена.

ОНОПРИЙ *с вязанием*. Как только я пришёл домой, так сейчас же написал по самому крупному прејскуранту самое секретнейшее доношение о появившейся в Перегудах странной девице и приложил листок с выражением фраз её руки. И послал тут же с нарочным, прося в разрешении предписания, что с нею делать.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

К Онопрю в домашнем одеянии вбегают Дмитрий Афанасьевич.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЯ. Оноприй, душа моя, как я тебе благодарен!.. Спасибо, брат, вот уж спасибо!.. Ты вчера ушёл, дамочка моя сперва ничего, с племянницей занималась, а когда та легла спать, эта самая Юлия Семёновка как взбесилась вдруг. Послала к жиду за лошадьми, а мне объявила, что сейчас же съезжает. И если ей не приведут коней, то пешком пойдёт до самого предводителя дворянства. Я так обрадовался, сделайте милость, говорю, только зачем же чужих лошадей тревожить, кто ж вам даст коней вечером, возьмите моего кучера да коляску. Она как закричит, что мне вашего ничего не надо, я от вас уезжаю совсем!.. Вот и хорошо, говорю, я же вам помочь хочу.

ОНОПРИЙ. Ты, наверное, вечером полез к ней, чтоб она тебе что-то исполнила, вот она и взбесилась.

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Да ты что! Она мне – совсем!.. Я только ей намекнул, что становой не зря про окуляры и прическу выспрашивал. Насилу её уговорил, чтоб в моей коляске поехала.

ОНОПРИЙ. Так она уехала? Сбежала! Что ж ты наделал?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Утром, вот сейчас, кучер мой вернулся и сказал, что привез её в город прямо к предводителю дворянства, где её приняли как родную.

ОНОПРИЙ. Вот оно как? Ну, если у него, то не сбежит. А кто ж она такая предводителю? Родственница или просто знакомая?

ДМИТРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ. Да что теперь гадать? Главное, что уехала! И это благодаря тебе! Ты на неё страху напустил! Уж как я тебе благодарен, Оноприй! Вот спасибо! *(Трясёт ему руки.)*

ОНОПРИЙ. Если всё будет, как я мыслю, то Богу дякувать.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

*Вековечкин в мундире прохаживается тяжёлой походкой,
Оноприй стоит, опустив голову.*

ВЕКОВЕЧКИН. За то, что вовремя донёс, за это, конечно, моя благодарность. Молодец. Но что же ты такой дурак? Ты про что донёс? Хорошо, что у меня писарь из немцев, он вспомнил, откуда эти слова, и мы твою бумагу не пустили далее, а решили проверить. А в штабной службе прямо по твоей бумаге красными чернилами и пометили. Вот, смотри... *(Показывает бумагу.)* Про богатство – это из Матфея, тринадцатый стих. А про богатых – это из Иоанна.

ОНОПРИЙ. Да я уж знаю, что она всё это взяла из Нового завета. Она же с предводителем дворянства на меня пожаловалась вице-губернатору, и он меня спросил. Почему я того не знал, и где обучался?

ВЕКОВЕЧКИН. Что? Когда он тебя спросил?

ОНОПРИЙ. Час назад. Меня ж к нему вызвали.

ВЕКОВЕЧКИН. К самому вице-губернатору? Когда? Я тебя сюда, к себе вызывал по этому поводу. *(Трясёт бумагой.)*

ОНОПРИЙ. А штабс-офицер когда меня увидел, я к нему на отметку зашёл, о, говорит, очень кстати, тебя как раз вице-губернатор очень видеть хотели, велел даже вызвать, а ты сам явился. Доложил и меня сразу к нему. Оказывается, что предводитель дворянства и эта мамзелька на меня пожаловались, что я её оскорблял всякими выражениями, говорил ей непристойности, и выражался непонятным языком. Что я хоть и российский служащий, а говорю не по-русски.

ВЕКОВЕЧКИН. А как же это ты говоришь?

ОНОПРИЙ. Да как у нас в Перегудах все говорят. Вот вице-губернатор и штабс-офицер мотивировали меня за это по-всякому.

ВЕКОВЕЧКИН. Что же он у тебя спрашивал?

ОНОПРИЙ. Штабс-офицер больше ничего не спрашивал. Вице-губернатор спрашивал. Кто меня учил, и что у меня за образование. Я как на духу сказал, что получил облегчённое образование в архиерейском хоре.

ВЕКОВЕЧКИН. Ты про меня говорил?

ОНОПРИЙ. Нет, Бог миловал. Я про вас не говорил. Я про книгу вашу говорил. Она ж всегда со мною. Вице-губернатор спросил, как же я службу правлю с таким образованием? Я ему и показал книгу. *(Достаёт книгу.)* Что вы мне велели по всем затруднениям по этой книге справляться.

ВЕКОВЕЧКИН *(грозно)*. Что ж ты врёшь, что про меня ничего не сказывал?

ОНОПРИЙ *(испуганно)*. Про вас – нет, я только про книгу. Штабс-офицер взял её, прочитал, что это «чин бываемый во явления истины между двома человекома тяжущимися», и спрашивает. Кто это писал? Я сказал, что кто писал не знаю, но это ж в архиерейской типографии пропечатано. Тогда штабс-офицер доложил про меня вице-губернатору так.

Что по службе вообще-то у меня порядок, подати сдаются вовремя, а конокрадство так почти совсем вывел, только сужу иногда не по закону, как судить не имею права, но для порядка это и ничего, у прежнего станового ещё хуже было. Вице-губернатор похвалил тогда, старайся дальше, говорит, только книгу эту выброси и больше в руки не бери. Так что мне с ней делать?

ВЕКОВЕЧКИН. Сожги её! Домой приедешь и немедля!

ОНОПРИЙ. Так это ж ваша книга.

ВЕКОВЕЧКИН. Дай сюда, я сам сожгу. *(Забирает книгу.)* И забудь про неё! Нигде и никому не сказывай боле. Да, Оноприй, глупейшего от тебя человека я даже и не знаю.

ОНОПРИЙ. А вице-губернатор похвалил. Так что мне теперь, про орден и думки не держать?

ВЕКОВЕЧКИН. Нет-нет, ты что!.. Тебе ж сказали. Служи и старайся. Так что крепись.

ОНОПРИЙ. Помилуй, Евграф Серафимович, я ж управлялся по «Чину явления истины», а теперь как же? Как же мне тут надо, чтоб заслужить на одобрение и награду?

ВЕКОВЕЧКИН. Ты старайся вообще. Угождай как можно больше против новых судов. Сам больше не допытывай никого. А когда тебя в суд призовут свидетельствовать, говори побольше и покрасивше. Теперь на то мода пошла. А там, может, и в самом деле господь пошлёт тебе в руки какого-нибудь потрясователя, чтоб ты орден заслужил.

ОНОПРИЙ. О, только чтоб он где-то был! Я его враз сцапаю.

ВЕКОВЕЧКИН. Ты выпрашивай и узнавай, кто про что говорит.

ОНОПРИЙ. Да как я про такое узнаю? У нас полсела смирные, а полсела вообще молчат.

ВЕКОВЕЧКИН. Раз молчат, значит, о чём-то думают? Вот про это и надо бы как-то узнавать. Какие песни поют. Может, кто российской властью недоволен?

ОНОПРИЙ. Про то бывает. У меня ещё дед раз в год молитву заказывал, чтоб сила божа москалей побила.

ВЕКОВЕЧКИН. И ты про такое молчал?

ОНОПРИЙ. Так я ж тогда маленький был совсем.

ВЕКОВЕЧКИН. Ой, смотри, Оноприй, если ты сейчас про такое узнаешь и не донесешь, то можешь в Сибирь угодить. Понимаешь?

ОНОПРИЙ. Да как же не понять? Ещё как понимаю. Я буду так зорко, что моё почтение!..

Затемнение.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

ОНОПРИЙ. Христя!..

ХРИСТЯ *(появляясь)*. Шо такое, мое сердэнько?

ОНОПРИЙ. Ты мне эти ласки брось!.. У меня к тебе серьёзный разговор.

ХРИСТЯ. Ну, не хотите с ласкою, давайте по сурьёзному.

ОНОПРИЙ. Ты вот по селу ходишь и всё про всех знаешь? Или не так? Ты вот можешь сказать, шо за люди живут в Перегудах?

ХРИСТЯ. Люды як люды... Як я могу всё знать? Я ж тильки с жинкамы розмовляюсь.

ОНОПРИЙ. Вот ты бы и спросила их. Про что говорят их мужья?

ХРИСТЯ. Так это я знаю.

ОНОПРИЙ. Да ну?

ХРИСТЯ. Они ни про что не говорят. Они мовчат тильки. У всех жинок. Лише «дай, прынэсы, да йды витцы». Бильшэ ни про шо не говорят.

ОНОПРИЙ. Эге, не говорят, а только думают? Вот мне бы и разузнать, про что они думают.

ХРИСТЯ. Та якже ж про то можно знаты?

ОНОПРИЙ. Вот ты и попросила бы жинок, чтоб они вызнали у мужей. Про что они молчат? Или жизнь им наша не нравится, или власть, или законы? Кто чем недоволен?

ХРИСТЯ. Я про то вызнавать не могу, бо мэнэ зразу назовут подлюкою.

ОНОПРИЙ. Ты что такое говоришь? Да кто посмеет?

ХРИСТЯ. Мало того, шо назовут, так ещё и побить могут.

ОНОПРИЙ. Да если кто на тебя только руку поднимет, я того сразу в Сибирь!

ХРИСТЯ. За шо?

ОНОПРИЙ. За то, что ты спрашивала по моему приказу, и если тебя за это хотят побить, то, значит, хотят побить как бы меня, власть.

ХРИСТЯ. Я шо-то не понимаю.

ОНОПРИЙ. Чего ты не понимаешь, дура-баба? Если я вовремя не выявлю потрясователя основ, то меня самого могут потом за это в Сибирь. Ты хочешь, чтоб меня сослали?

ХРИСТЯ. Не хочу, вы шо, упаси боже!..

ОНОПРИЙ. Вот поэтому и надо повыспрашивать, чтобы всё знать, где у нас и что уже завелось, или ещё только может.

ХРИСТЯ. Да про что выспрашивать?

ОНОПРИЙ. От глупая!

ХРИСТЯ. Да шо вы всё ругаетесь? Ну не дуже умная, так шо с того?

ОНОПРИЙ. Выспрашивать надо, кто чем недоволен. Или вот про другое. Не поёт ли кто песен таких, как например «Колысь було на Вкраини добре було жыты...»?

ХРИСТЯ. Так эту писню часто поют.

ОНОПРИЙ. Кто? Мне и надо знать, кто поёт. Кто поёт чаще других. А особливо, если кто новые песни сочиняет наподобие этой. Повыспрашиваешь?

ХРИСТЯ. Ну, я попробую... Только не знаю, как про такое спрашивать.

ОНОПРИЙ. Ты попробуй, попробуй. Потому что мне на такой вопрос никто прямо не отвечает. Меня все боятся.

Авансцена.

ОНОПРИЙ *(с вязанием)*. Не знаю, как она спрашивала и выпрашивала, только дня через три от меня ушёл кучер. Сказал, что не будет больше служить, не хочет. И другие хлопцы с села никто не хотели идти ко мне наниматься. Я поехал в город на вольнонаёмных лошадях. Но Вековечкин меня не принял. Его писарь как увидел меня, так вышел навстречу, его, мол, нет, у вице-губернатора по делам, так что даже не жди, а ты чего хотел? Я рассказал ему, что приехал нанять себе в кучера неизвестного человека, у которого бы не было знакомых в селе, самого жесточайшего русского, из Рязанской губернии, который не давал бы хохлам ни в чём спуску, а то местные хотят меня лишить успеха в получении отличия за поимку потрясователя. Он сказал, что такого лучше искать на конном рынке. И отвёл меня туда с уговором, чтоб я не вздумал к вице-губернатору заходить. Я на том рынке пока расспрашивал, что мне надо, да узнавал цены, напился с незнакомыми людьми так, что потом даже танцевал с девушками. А когда утром прокинулся, то думаю: «Господи, до чего я уронил своё звание, и как же мне теперь отсюда выйти?» А вчерашний мой угощатель и говорит: «Ты поезжай домой, про потрясователей больше ничего не рассказывай, уже все слышали, а когда приедешь, там уже будет у тебя кучер. Да ещё какой. Настоящий орловский Теренька. Много не запросит, а уж дело знает!»

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Оноприй входит в дом, навстречу ему Теренька.

ТЕРЕНЬКА *(кланяясь)*. Здравия желаю, ваша благородь. С приездом.

ОНОПРИЙ. А ты кто?

ТЕРЕНЬКА. Кучер теперь ваш. Теренька Налётов. Орловской губернии.

ОНОПРИЙ. Что же, очень рад. Я хотел рязанской, но и в Орловской губернии тоже, известно, народ самый такой, что не дай Господи. Мне нужно ведь не только с лошадьми управляться, но и помогать, всё знать, и видеть, да и людей ловить.

ТЕРЕНЬКА. Это нам всё равно, что плюнуть.

ОНОПРИЙ. Ну? Мне такой и нужен. Прежний кучер у себя дома жил, а для тебя Христина, моя служителька, чуланчик приготовит.

ТЕРЕНЬКА. Не нужно. Не извольте беспокоиться. Я на конюшне с лошадьми буду. Мне там лучше всего.

ОНОПРИЙ. Да ты просто миляга. Зови меня Оноприй Опанасович.

Затемнение.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Оноприй медленно входит, читая бумагу, садится на лавку.

ОНОПРИЙ. Христя!.. Тереньку позови!..

Входят Теренька и Христина.

ТЕРЕНЬКА. Звали, Оноприй Опанасович?

ОНОПРИЙ. Вот, пришла бумага от Вековечкина... Из губернии. Пишет, что к ним пошли доносы, будто у нас среди крестьян есть недовольные жизнью. Требуют, чтоб я разузнал, кто в сём виноват. Кто ж это пишет помимо меня? Раньше писал Назарко, но он уже орден получил, ему писать нет резона. Может Дмитрий Афанасьевич? Он же молоденьких дивчат иногда к себе зазывает, и боится, как бы его за это парубки не побиили.

ТЕРЕНЬКА. Нет, не он.

ОНОПРИЙ. Почему ж ты так знаешь?

ТЕРЕНЬКА. Он со своими понятиями правды знать не может.

ОНОПРИЙ. А это разве правда? *(Трясет бумагой.)*

ТЕРЕНЬКА. Разумеется, правда. Крестьяне в самом деле поговаривать стали, что живётся худо, и это всё потому, что живут не по-божьему. Сам слышал.

ОНОПРИЙ. Ишь ты! А откуда они знают, как жить по-божьему?

ТЕРЕНЬКА. Им про то рассказывают штунды. Это такие пришлые, которые евангелие в карманах носят и по овинам в ямах людям читают.

ОНОПРИЙ *(вскакивает)*. Да как же это!.. Ты знаешь, а я, власть, не знаю?

ТЕРЕНЬКА. Да это не ваше дело. От них пусть поп Назарий обороняется, это по его части.

ОНОПРИЙ. Исправди. Что мне за дело до тех, кто евангелие читает? Христя, ты, часом, не ходила с этими штундами в ямы читанье слушать?

ХРИСТИНА. Хиба ж я такая поганка, что с пришлыми в яму пойду?

ОНОПРИЙ. Да я тебя не про то! Знаешь ты их или нет?

ХРИСТИНА. Не знаю я нияких штундив.

ОНОПРИЙ. А поп Назар спрашивает тебя, как раньше?

ХРИСТИНА. Спрашивает. Всякий раз.

ОНОПРИЙ. И ты ему неужели так про всё и каешься?

ХРИСТИНА. Чи я дура?

ОНОПРИЙ. Ну и отлично. Иди себе. *(Когда Христина вышла, Тереньке.)* Ты что-то показать хочешь?

ТЕРЕНЬКА. Да, вот. С теми, кто евангелие читают, пусть поп разбирается. А вот это уже по вашей части. *(Подает бумажку.)* Такие грамотки стали повсюду подкидывать. Эту я в корчме нашёл.

ОНОПРИЙ *(читает вслух)*. Все, кто в Бога веруе и сэбэ жалуе, научайтэся грамоте, да не слухайтэ попив толстопузых... Господи!...

ТЕРЕНЬКА. Это мне такая попала. А были и другие. Где про дворян белоруких. А была и про всеобирающую власть. Это мне сказывал один грамотей. Он её прочёл и на цыгарки пустил.

ОНОПРИЙ. Ужас!.. Это кто ж к нам такую гадость завозит? Ведь это же где-то пропечатано. Это уже потрясователи. Ну, Теренька, помогай. Если я хоть одного открою и орден получу, ей-богу, дам тебе три рубля.

ТЕРЕНЬКА. Я пока ничего такого не видел. А вот к попу Назарию приехали в гости какие-то пиликаны.

ОНОПРИЙ. Какие ещё пиликаны?

ТЕРЕНЬКА. Которые ночью на скрипке пиликают. А днём около крестьян ходят. А как ночь, они опять давай пиликать, да так, что по всему селу коты мячуют, а собаки лают.

ОНОПРИЙ. Это они! Терентьюшка, миляга мой, ты уж их повнимательней наблюдай. Это они.

ТЕРЕНЬКА. И я так думаю, что они. Вы бы, ваша милость, встали бы сами о полуночи да послушали, как они пиликают.

ОНОПРИЙ. Говоришь, они у попа Назарки остановились? Вот я ему допрос-то устрою!

Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Оноприй появляется быстрым шагом с бумажкой в руке.

ОНОПРИЙ. Теренька!..

ТЕРЕНЬКА (*появляясь*). Тут я.

ОНОПРИЙ. Пока я по ярмарке высматривал, кто к моей бричке подходил?

ТЕРЕНЬКА. Я не видел. У меня сзади глаз нету.

ОНОПРИЙ. А это видишь? Вот что на сиденье подкинули!.. (*Показывает бумажку.*) И тут уже пропечатано не простой речью, а стишок. Про то, как подати собирают. Понимаешь, что это уже? Мимо брички, рядом, кто-нибудь проходил?

ТЕРЕНЬКА. Проходили эти пиликаны, поповы гости, Спиря да Сёма.

ОНОПРИЙ. А ты откуда знаешь, как их зовут?

ТЕРЕНЬКА. Да который Спирюшка, тот всё подспиривает, в другой, Сёма, знай себе подсёмывает.

ОНОПРИЙ. Этот как это?

ТЕРЕНЬКА. Да уж как есть.

ОНОПРИЙ. Это они! Я же за ними только что ходил по ярмарке и наблюдал, как эти два пиликана оба с тетрадками и что-то в них записывают. А когда я заморился и отдохнуть решил, они мне эту гадость подбросили. Всё, едем домой, надо писать доношение на этих пиликанов.

Уходят.

Затемнение.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ
Вековечкин и Оноприй.

ВЕКОВЕЧКИН. Ну, что ж ты, Оноприй? При обыске и аресте ничего ни у них, ни у попа, не нашли. Пришлось отпустить. Никакие они не пиликаны, а виртуозы, бо на скрипках ловко играют. А в книжки записывают народные песни, чтоб переложить их на ноты и сдать в оперу.

ОНОПРИЙ. Теперь Назарко меня ославит. Это ж я теперь на всё село буду кляузник и дурак ненавистный.

ВЕКОВЕЧКИН. У тебя служба такая. Ведь кто-то же эти грамотки подкидывает? Да, на тебя жалобы пошли, что ты всеобщий возмутитель. До тебя жили тихо-мирно, никого, кроме конокрадов, не было, а ты начал искать потрясователей, и всё село замутилось. Теперь никто никому не верит. И люди уже сомневаются, что у них нет таких, что троны колеблют. А они есть, завелись откуда-то. Раз грамотки появляются.

ОНОПРИЙ. Это кто ж на меня пишет? Вот бы увидеть писанное, я бы враз руку узнал.

ВЕКОВЕЧКИН. Твоё дело потрясователя сцапать! Ты давай, Оноприй, поймай хоть одного. Даю тебе неделю сроку, и если не будет потрясователя, то я тебя подам к увольнению.

ОНОПРИЙ. Это как же, Евграф Серафимович?

ВЕКОВЕЧКИН. Как не справляющегося с обязанностями.

Затемнение.

*В темноте шум дождя, раскаты грома и голос Оноприя:
«Да как же это, за что, Евграф Серафимович? Господи!..
Ну, пошли же ты мне его, этого потрясователя
проклятого!.. Да что же за жизнь такое адское, Господи!..
И дождь и молния как в наказание!.. А-а-а!.. Вот он!.. Это он,
держи!..»*

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ОНОПРИЙ (*вбегает взъерошенный*). Христя!.. Беги до Тереньки, чтоб сию минуту кони подал!.. Христя!.. Мне в погоню надо!.. (*Топает ногой в ярости.*) Христя!.. Да где же она?.. (*Выходит, возвращается.*) У себя на постели нету... Куда ж она пошла в такой дождь?.. Что же это?.. (*Мечется, увидел что-то, чуть приседает, чтобы разглядеть.*) Как?.. Это она от Тереньки идёт?.. Грома и молнии не боится?.. Без платка... (*Когда Христина появилась, грозно.*) Вернись, откуда идёшь, преподлейшая, и скажи ему, чтоб сейчас, в одну минуту, кони запряг!..

ХРИСТИНА. Не будет Теренька вам коней закладывать.

ОНОПРИЙ. Это ещё что?.. Да как ты смеешь?..

ХРИСТИНА. И смею! Шо это вы себе вздумали? Когда все христиане сплят, шоб в самосисенький сон кони закладывать?

ОНОПРИЙ. Все христиане?.. Самосисенький сон?.. А ты, подлая жинка, чего не спочиваешь?

ХРИСТИНА. Я знаю, зачем ходила.

ОНОПРИЙ. И я знаю! Где твой платок?

ХРИСТИНА. Я ходила слушать, як пиликан пиликае.

ОНОПРИЙ. Разве в такую грозу слышно, как пиликают?

ХРИСТИНА. Я была там, где слышно.

ОНОПРИЙ. Да ты же самая бесовская жинка!

ХРИСТИНА. Та говорите шо хочите. А Теренька закладывать коней не здужае.

ОНОПРИЙ. Как не здужает?.. Сейчас мне коней!.. Теренька-а!!!

ХРИСТИНА. У него зубы болят. Я ему свой платок дала.

ТЕРЕНЬКА *(вбегает, обвязанный платком)*. Я здесь, ваша милость!.. Кони готовы!.. Куда вы среди ночи?

ОНОПРИЙ. Да я вот сейчас метался во сне, вскинулся, а в окно кто-то заглядывает. Я до него, а он на дорогу и прыг в коляску! В плаще и шляпе! Это настоящий и форменный потрясователь! За ним, в погоню!

ТЕРЕНЬКА. Да как же вы разглядели в темноте?

ОНОПРИЙ. Молния была, да такая, что!.. Я увидел его, как в адском пламени!.. Пара коней, в плаще и в шляпе земли греческой, а поза рожки самая разбойничья!..

ТЕРЕНЬКА. И я слышал, как пара коней поскакала. А у нас тройка! Мы его враз догоним! Мы его на мосту через Гнилушку настигнем!

ОНОПРИЙ. Давай, Теренька, бей коней во весь кнут! Он мне по моей пламенной молитве дарован! Шо б только в другой стан не ушёл!

ТЕРЕНЬКА. Спапаем! Христя, плащ хозяину!

Затемнение.

В темноте шум дождя и раскаты грома, конский топот и ржанье. Голос Оноприя и Тереньки: «Вот он!» - «Догоним!» - «Давай!» - «Валить?» - «Вали!»

Визжащий незнакомый голос: «Да как вы смеете? Вы знаете, кто я? Что вы делаете? Отпустите!»

Голос Оноприя: «Знаю, знаю, вот я тебя под арест посажу, а потом нас разберут!»

Визжащий голос: «Я правительственный агент! Я слежу дерзкого преступника, который был у твоего кучера! Я могу его упустить! Я его преследовал, а вы помешали! Вот кого вязать надо! Кучера твоего! Зачем он платком повязался?»

Голос Оноприя: «Ничего, ничего! Теренька, мы сейчас его под караул, и в город с докладом, что есть потрясователь! Есть враг империи!»

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

ОНОПРИЙ *(мечется в огромном плаще)*. Теренька!.. Где мы?.. Я заснул, что случилось?.. Теренька!.. Почему мы в лесу стоим?.. Почему кони выпряжены?..

ТЕРЕНЬКА *(появляясь)*. Молчи уж! Чего орёшь?

ОНОПРИЙ. Как молчи?.. Где мы?

ТЕРЕНЬКА. Не знаю!

ОНОПРИЙ. Как ты не знаешь?

ТЕРЕНЬКА. Я хотел по ближней дорожке через лес проехать, да вот и запутался.

ОНОПРИЙ. До города нет ближней дорожки через лес! Ты куда меня завёз? Ты или с ума сошёл или убить меня хочешь?

ТЕРЕНЬКА. Не стоит и руки пачкать.

ОНОПРИЙ. Что?.. Ах ты, разбойник!.. Кацап проклятый!.. *(Жалобно.)* Теренька, я тебе все деньги отдам, только ты меня, пожалуйста, не убивай.

ТЕРЕНЬКА. Денег мне твоих не надо. Я пристяжную возьму. *(Снимает кучерский армяк и платок с лица, швыряет по очереди в Онопрія.)* А ты жди себе здесь ордена бешеной собаки! Прощай, болван! *(Уходит.)*

Слышен удаляющийся конский топот.

ОНОПРИЙ *(один)*. Что это он, разбойник уделал?.. А где мой револьвер-бульдог?.. *(Шарит по карманам плаща, достаёт пачку бумажек.)* Что это?.. Это ж те самые подкидные листки!.. Паперики!.. *(Достаёт ещё.)* Откуда столько?.. Это ж он мне их подсунул!.. Это ж он и есть потрясователь!.. Это ж на него арестованный показывал и кричал!.. Что делать?.. Что мне теперь делать?.. Если их у меня найдут, то мне конец, меня же в Сибирь!.. Надо их куда-нибудь в ров, или в болото!.. *(Бумажки рассыпаются, разлетаются, Онопрій падает на колени, пытается собрать их.)* Иначе мне коне-ец!..

Затемнение.

Гром, дождь, ветер и голос Онопрія:

«Мне же коне-е-ец!.. Господи, спаси!..»

Шум дождя и ветра сменяется церковным песнопением детскими голосами.

Пение резко прерывается. Тишина, темнота.

Незнакомый мужской голос, тихо: «Как наш больной?»

Голос Юлии Семёновны: «Ему лучше. Доктор надеется, что сегодня он придёт в сознание».

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*Оноприй Перегуд на лежанке под белоснежной простынёй.
В стороне сидит Юлия Семёновна и вяжет чулок.*

ОНОПРИЙ. Где это я?.. В раю?.. Но я же не могу быть в раю за свои поганые дела, это ошибка... Или я попал сюда за то, что был некоторое время при архиерейском служении?.. Юлия Семёновна, это вы? *(Она, улыбаясь, кивает.)* Вы за мной присматриваете? Но я же вас так препоганьски обидел при жизни моей в Перегудах. Простите моё окаянство!

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА *(ласково улыбаясь)*. Полноте, как вам не стыдно вспоминать такое? Вам нельзя говорить, молчите.

ОНОПРИЙ. А где это я?

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА. Вы в доме предводителя дворянства. А я служу его превосходительству при богоугодных заведениях. Раньше воспитывала его детей. Князь нашёл вас в лесу, бегающем под дождём и собирающем типографские листки. Он проезжал тем лесом, где вы очутились, возвращался из гостей по служебным делам. Он и привёз вас сюда в бесчувственной горячке.

ОНОПРИЙ. Значит, я под домашним арестом?

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА. Нет, вы на лечении. За вами доктор смотрит. А я приглядываю, поскольку живу в доме его превосходительства. А вот когда поправитесь, тогда и определят, куда вас перевести. Господин Вековечкин каждый день порывается вас допросить. Но его превосходительство не велит его пускать.

ОНОПРИЙ. Пусть он меня допросит. Так надо. Я же виноват. Впустите его. Я злое делал и злое заслужил. Но я не виноват, Юлия Семёновна!.. *(Рыдает.)* Меня подло обманули!..

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА *(подходит к нему)*. Вы наименее несчастнейший человек.

ОНОПРИЙ *(сквозь слёзы)*. А что это вы делаете, Юлия Семёновна? Вы так и вяжете чулки и раздаёте их бедным? А зачем вы это делаете?

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА *(иронично)*. Наверное, для того, чтобы не делать никому ничего худого.

ОНОПРИЙ. Да, я виноват. Ох, как я виноват!.. И я готов пострадать за те глупости, что натворил!..

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА. Вы пока сильно не терзайте себя. Вам надобно выздороветь.

*Юлия Семеновна выходит.
Входит Вековечкин.*

ВЕКОВЕЧКИН. Ну как ты, Оноприй? Говорить можешь? Мне же следствие поручено вице-губернатором, чтобы передать это дело на судебное рассмотрение.

ОНОПРИЙ. Я во всем признаюсь, как было, Евграф Серафимович. Но видит Бог, всё было не так, как я хотел.

ВЕКОВЕЧКИН. Ты сманил этого Тереньку?

ОНОПРИЙ. По той причине, что ко мне никто из местных служить не шёл.

ВЕКОВЕЧКИН. При нём стали появляться эти листки? *(Показывает бумажки.)* Раньше ведь не было?

ОНОПРИЙ. Он мне сам показал эти паперки в первый раз, а до того я их не видел. Я велел ему зорче наблюдать. Заподозрили мы этих самых пиликанов. Я не мог знать, что он сам их подкидывает.

ВЕКОВЕЧКИН. Ты должен был догадаться. У тебя под носом, на твой конюшне, орудовал государственный преступник.

ОНОПРИЙ. Я делал всё, как вы велели.

ВЕКОВЕЧКИН. Я тебе велел быть внимательным.

ОНОПРИЙ. Вы мне велели изловить потрясователя. Вот я и старался.

ВЕКОВЕЧКИН. Плохо старался, если раскрыть не мог своего же конюха. А вот самоискуснейший агент императорской службы выследил, кто привозит Тереньке эти самые печатные листочки. А когда он бросился за ним в погоню, чтобы схватить, ты со своим Теренькой не дали ему того сделать. Его самого сцапали вместо преступника, лишили свободы. Ты поднял руку на императорского агента, понимаешь?

ОНОПРИЙ. Я его принял за самого потрясователя, потому как на нём была шляпа земли греческой.

ВЕКОВЕЧКИН. Да откуда тебе знать, какая она шляпа земли греческой? Простая на нём была шляпа, от дождя. Он же тебе кричал, объяснял, на твоего конюха показывал.

ОНОПРИЙ. Он на него, конечно показывал. Но узнать не мог. Тот специально рожу платком обвязал, будто зубы болят. Мне это потом раскрылось, когда он у меня пристяжную свёл, а мне листки подсунил.

ВЕКОВЕЧКИН. Вот и получается, Оноприй, что прикрывал ты самого что ни на есть потрясователя.

ОНОПРИЙ. Я его не покрывал! Я не знал.

ВЕКОВЕЧКИН. Это слава Богу, что тебя нашли его превосходительство и соседний становой. Теперь наистрожайшее судебное следствие выяснит, хотел ли ты скрыть следы злейшего пропагандиста, пряча его бумажки в овраге, или, наоборот, был с ним в сообществе и старался те проклятия распустить на всю землю. И быть тебе за то в Сибири.

Выходит.

Входит Юлия Семеновна.

ОНОПРИЙ. Юлия Семеновна, позвольте мне вашего вязания? Я умею.
ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА. Зачем вам?

ОНОПРИЙ. Надо же чем-то заниматься, если для жизни я уже конченный.

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА. Извольте, попробуйте. (*Отдаёт вязание. Удивлённо.*) Надо же, а где вы научились?

ОНОПРИЙ. Матушка учила когда-то. Ох, Юлия Семеновна, быть мне в Сибири.

ЮЛИЯ СЕМЕНОВНА. Вы пока что радуйтесь, что вырвались из жадных челюстей смерти. Мы с его превосходительством обсуждали ваше положение. По совести на вас нет вины, за которую общество могло бы карать. Вы из деревни, с любовью к простой жизни, а вас пошли мыкать туда и сюда, не выучив полезному делу, заставляя совать руки, куда не следует. Разве может простая голова выдержать такие страсти? Предводитель наш считает, что в вашей болезни – ваше спасение. Он будет настаивать, чтобы прежде суда вас отдали на медицинское испытание.

Выходит.

ОНОПРИЙ (*с вязанием*). И действительно, когда я стал ходить, привезли меня на освидетельствование в специальное присутствие. Отняли вязание и положили на этажерку. Стали вопросы задавать, а я на каждый прошу: «Верните, не отбирайте! Дайте мне вязать!» Они мне вопросы, а меня волнение взяло. Вспомнил, что хотел когда-то орден получить, а про остальное и говорить не могу. А когда я зарыдал и затопал ногами: «Дайте мне чулок вязать, гаспиды! А то я вам сейчас тут черт знает что наделаю!..» - мне вязание отдали, и я утешился. И привезли прямо сюда. Только я ногу через порог, как подходит ко мне человек в короне из жести, ударил меня по затылку и закричал: «Разве не видишь, кто я, болван? Я король Брандахлыст!» Я вежливо ему ответил: «Привет мой, ваше королевское величество!» Он тут же сдобрился и по макушке меня погладил. Это хорошо, говорит, я так люблю, ты можешь считаться в числе моих верноподданных. А я посмотрел, что у него туфли на босу ногу, и спрашиваю: «А что это у тебя и твоих верноподданных ножки синие?» Он вздохнул: «Что делать, если холодно? Я не могу приказать, чтоб в царстве было иначе. Приказываю, чтоб было теплее, а ничего не выходит». Не робей, брат, говорю, я тебе и твоим поданным шерстяных чулков навяжу. Да ты что, говорит! Верь честному слову. Тогда жалую тебя моим лейб-вязальщиком. И вот я много лет здесь живу и всеми любим, потому что, знаете, дело делаю. Господи, пожалей нас всех!

Церковное песнопение.

Конец первой комедии.

Комедия вторая

Преподобный

по мотивам повести «Русское тайнобрачие»

Действующие лица:

ПРОТОПОП – отец Алексей, приходской священник,
седой мужчина невысокого роста лет 60-ти.

МАЛАНЬЯ – прислуга в его доме, лет 50-ти.

АНЮТА – подруга детства его дочери.

ВАВА – бывший сторож его прихода.

ВЕТЕРИНАР.

ГЕНЕРАЛ *Георгий Григорьевич.*

БАРЫШНЯ.

Действие происходит в губернском городе конца 70-годов XIX века.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Горница небогатого жилища священнослужителя.

Сумрачно, хотя за окнами солнечный день, поэтому не видно спящего на лавке хозяина дома.

В сенях грохот, распахивается входная дверь, входит работница по дому, Маланья, женщина средних лет, ставит на стол большую корзину, снимает с головы платок.

МАЛАНЬЯ. Ох, упарилась!.. Да что ж темно-то так? На улице божий день, а у нас, как в чулане. *(Открывает занавески на окнах, комната наполняется светом.)* Батюшка, отец Алексей, Господи, да вы, никак, почиваете?

ПРОТОПОП. Чего тебе, Маланья? *(Кряхтя встаёт.)* Ой, грехи... *(Крестится.)* Задремал, соснул малость. Утомился от службы и каши твоей сытной. Ты, никак, уже вернулась?

МАЛАНЬЯ. Набрала, чего надобно к обеду. Сегодня не постный день, сегодня будут щи с убоиной. А что говорят-то на торгу, что говорят!..

ПРОТОПОП *(перебивая, строго)*. Ты мне вот уши не затаптывай!.. Отдохнуть толком не дала и начнёшь сейчас пустое молоть.

МАЛАНЬЯ. А чего ж это вы сами утреню служили, а не отец Фёдор?

ПРОТОПОП. Ему роздых положен. Он все дни отстоял. Ну, ступай уже, ступай, ради Бога. Сразу бы на куфню шла, чего сюда-то?

МАЛАНЬЯ. Может, чаю сготовить? Кушать не хотите?

ПРОТОПОП. Квасу принеси. Жарко.

МАЛАНЬЯ (*взяв корзину со стола, идёт к распахнутой двери*).
Господи, я ж чего сюда-то зашла, вас потревожила!.. Барынька там спрашивают. Говорят, уж второй час дожидаются. Говорит, что знаете вы её.

ПРОТОПОП. Какая барынька?

МАЛАНЬЯ. Да молодая, пригожая. Только уж бедная с виду.

ПРОТОПОП. Звать как? Что ты мне, старику, молодая-пригожая?

МАЛАНЬЯ. Забыла я, прости Господи.

ПРОТОПОП. Ну, кличь, ладно.

МАЛАНЬЯ. Она сама вам и назовётся.

*Маланья выходит, оставив дверь раскрытой.
Через некоторое время тихо входит молодая,
скромно одетая женщина, осторожно закрывает за собой
дверь, крестится на образа.
Увидев её, отец Алексей убегает в закуток и возвращается
одетый в подрясник коричневого цвета, из холста.*

АНЮТА. Здравия вам, батюшка.

ПРОТОПОП (*расправляя только что надетое*). Дай Бог, дай Бог...
Слушаю вас.

АНЮТА. Вы меня не узнаете?

ПРОТОПОП (*подходя ближе*). Вы исповедаться хотите?

АНЮТА. Я была подругой вашей дочери по гимназии. Мы с ней здесь, в вашем доме, на фортепьяне в четыре руки играли.

ПРОТОПОП. Фортепьяно живо ещё. Так и стоит в дочериной комнате.

АНЮТА. А матушка её добрая как поживает?

ПРОТОПОП. Супруга моя померла уж года три тому. Вдовствую.
Без неё мы с дочерью остались.

АНЮТА. Я вот к доченьке вашей и решилась прийти за милостью. Хоть мы с ней лет десять как не виделись. Я после гимназии желала достичь высшего звания, но не сподобилась оного. Попала в затруднение. Вместо научного совершенства дошла до нищеты. Вспомнила о своей подруге и пришла вот просить. Не может ли она достать мне где-нибудь переводов. Я хорошо языки знаю.

ПРОТОПОП (*всплеснув руками*). Да что же вы, голубушка!.. Вот ведь, Господи... Дочери моей здесь нет, вы не знали? Она давно вышла замуж и живёт в другом городе. Пишет, не забывает батюшку. А переводами она не занимается. По домашнему хозяйству да по чадорождению в основном. Поэтому, если вы и написать ей захотите, то пользы от того не будет. Я вас действительно теперь припоминаю. Вас, кажется, звали Нюточкой?

АНЮТА (*просветлев*). Да, меня так прежде называли.

ПРОТОПОП. Очень рад вас видеть. Что ж довело вас до такого положения, что вы переводов ищите? *(Увидев, как Анюта заплакала.)* Ну-ну, чего же?.. У вас есть родные?

АНЮТА. Да, у меня есть брат.

ПРОТОПОП. Верно, у него живёте?

АНЮТА. Нет.

ПРОТОПОП. Почему же так?

АНЮТА. Он женат.

ПРОТОПОП. Так что же, разве при жене для сестры за ширмою места не найдётся?

АНЮТА. Нет, мы с его женою не ладили. Я одна с детьми живу.

ПРОТОПОП. Так вы вдова?

АНЮТА. Нет, не вдова.

ПРОТОПОП. Тогда где же ваш муж? Верно, сослан?

АНЮТА. Нет, не сослан. Его нет со мною.

ПРОТОПОП. Отчего же это?

АНЮТА. Он очень в затруднительном положении. Попал в трудные комбинации.

ПРОТОПОП. Это что же за комбинации такие, чтобы своих детей бросить?

АНЮТА. Его обманули, когда он женился.

ПРОТОПОП *(иначе всплеснув руками)*. Женился?.. Да как же это? Милая барынька, вы что же такое, шутите, что ли? Как же он мог от живой жены во второй раз жениться? Или вы разведены?

АНЮТА. Мы жили с ним в гражданском браке.

ПРОТОПОП. Ах, вот как? В гражданском? Ну что ж... *(Разводит руками.)*

АНЮТА. А одна моя подруга захотела в акушерки. А туда можно лишь замужним. Вот ей и понадобилось выйти в фиктивный брак. Она меня и попросила, чтобы я позволила.

ПРОТОПОП. Ну-с, тогда что ж. *(Разводит руками.)*

АНЮТА. А она устроила комбинацию.

ПРОТОПОП. Какую же это, милостивая государыня?

АНЮТА. Она вместо фиктивного обратила всерьёз. И заставляет его, чтобы он деньги давал. И теперь он ей носит, а мне помогать не может.

ПРОТОПОП. Что же, он с нею живёт?

АНЮТА. Нет, он с нею не живёт. Она одного полицейского любит. А моего заставляет, чтобы он ей часть жалованья приносил, как венчанной жене.

ПРОТОПОП. И он носит?

АНЮТА. Да что ж делать, а то она жаловаться пойдёт к его начальству.

ПРОТОПОП. Да кто же он такой, ваш общий муж?

АНЮТА. Ветеринар.

ПРОТОПОП. Ага, ветеринар. В службе состоит?

АНЮТА. Да, у генерала Хвостова.

ПРОТОПОП. Знаю, знаю... А что ж это за ловкая акушерка такая, что на самом ветеринаре ездит?

АНЮТА. Она очень развита.

ПРОТОПОП. Ага, развитая. А извините за вопрос. Он не дурачок ли, этот ваш ветеринар?

АНЮТА. Нет, как дурачок? Он тоже очень развит.

ПРОТОПОП. Да как же развит, если от акушерки отбиться не может?

АНЮТА. Да он отбился и живёт у товарищей. А большего нельзя. Потому что у неё по полиции все ей полезные связи. Если он со мной жить будет, а ей денег не станет давать, сейчас от полиции на него генералу сыскной документ поступит, и он должности лишится.

ПРОТОПОП. Ага, действительно комбинация. Ну, а где же детки ваши?

АНЮТА. Недалеко тут, за вокзалом. На третьей версте у сторожихи. Я их там оставила, а сама пришла переводов искать.

ПРОТОПОП. Стало быть, вы теперь врозь?

АНЮТА. Да, вот.

ПРОТОПОП. Ветеринар с товарищем, вы со своими котятками, а та с полицейским?

АНЮТА. Да.

ПРОТОПОП. А в городе у вас есть приют?

АНЮТА. Нету. Да это ничего не значит. Сейчас лето, тепло. Я ночь по бульвару ходить буду.

ПРОТОПОП. Как это? Ох, дитя моё бедное!.. *(Наклоняет её голову, целует в темя.)* Вы ко мне со своими комбинациями точно из другого света упали. Но я не ксёндз, чтобы вас укорять, и не протестантский пастор, чтобы от ваших откровений прийти в ужас. Я уже протопоп, настоятель в своём приходе, недавно посвящён. А как простой поп я вас на бульвар ночевать не пущу. У меня вся квартира пустая, я один живу. Комната дочери к вашим услугам. На куфне баба-смотрелка. Сейчас я её призову. *(Идёт к двери, открывает, громко.)* Маланья!.. Раззувайте поскорее ваши бедные ноженьки, да в комнатку на диван. Вы меня не бойтесь, я старик, со мной с одним не опасно оставаться.

Входит Маланья с ковшом.

МАЛАНЬЯ. Несу, несу. Вот квас ваш, батюшка.

ПРОТОПОП. Нет-нет, ставь чаю. Напой да накорми мою гостью, она здесь поживёт. Ей поспать-отдохнуть надобно.

МАЛАНЬЯ. То-то я и смотрела, что она как неживая совсем.

ПРОТОПОП. Видно человека в ней совсем растолкли.
МАЛАНЬЯ. Господи!.. *(Крестится.)*

Затемнение.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же декорация.

На столе самовар.

Протопоп в тёмно-синем подряснике и Анюта пьют чай.

ПРОТОПОП *(поставив блюдце, вытирает лицо полотенцем)*. Ох, знатно!.. Обедню отслужишь, чаю откушаешь, - вот и благодать. Чего мне, старику, и желать-то большего? Ты как, Нюточка, насытилась? Чего молчишь-то? Ты что же это, чай один, а пирожков отчего не тронула даже?

АНЮТА. Можно, я их детишкам отнесу?

ПРОТОПОП *(встав из-за стола)*. Конечно, конечно... И не только этих пирожков снесёте, а ещё. Я вам, барынька милая, переводишко устроил. Вчера был у знакомцев и толк вышел. Вот вам пока от редакции три рубля вперёд. А перед вечером пожалуйста к ним, тогда и перевод получите. *(Вручает банковский билет.)*

АНЮТА. Ой, батюшка, как же мне вас благодарить-то?

ПРОТОПОП. А вот скажите. Не могли бы вы пригласить ко мне вашего ветеринара?

АНЮТА. Отчего же? Вечером приведу.

ПРОТОПОП. Вы даже не спрашиваете – зачем? А ну как он спросит? Вы скажите ему, что знакомцы мои хотели бы знать...

АНЮТА. Да чего же спрашивать, коли надо?

ПРОТОПОП. Стало быть, приведёте?

АНЮТА. Я только сбегаю к детишкам, сторожихе рубль дам, и сразу к нему.

ПРОТОПОП. Пирожков, пирожков не забудьте. *(Громко.)* Маланья!..

Входит Маланья.

МАЛАНЬЯ. Убирать самовар? Писать будете?

ПРОТОПОП. Ты собери Нюточке окромя пирожков этих ещё чего. Чтоб она детишкам гостинцев принесла.

МАЛАНЬЯ. Пойдёмте, милая, на кухню. Берите пирожки, мы их там в узелок. *(Снимает со стола самовар.)*

ПРОТОПОП. Ты мою рясу вычистила?

МАЛАНЬЯ. Да, готово. Вы её знатно угваздали вчерась. По темени возвращались?

ПРОТОПОП. Выходил до своих коллег.

МАЛАНЬЯ. Опять у отца Демьяна в карты играли?

ПРОТОПОП. Да тебе-то что за дело до моих грехов? Присоветовали мне вчера кое-что. Надо бы вот сходить в Зареченский приход.

МАЛАНЬЯ. Это куда наш сторож Вава по осени ушёл?

ПРОТОПОП. Вот его-то мне и надобно увидеть.

МАЛАНЬЯ. Так призывали бы его. Чем рясу-то пылить в такую даль.

ПРОТОПОП. Мне у них записи поглядеть надобно. *(Вдруг строго.)*
Так, ступай! Одеться неси. А то расспрашивать меня взялась! Ишь!..
(Грозит пальцем.)

Затемнение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Улица, лето, зелень.

Ограда церковного двора.

ПРОТОПОП *(в чёрной рясе и скуфейке громко взывает)*. Вава!..
Эй, Вава!..

Появляется причетник Вава в сером заношенном подряснике.

ВАВА *(с умилением)*. Здравия вам, ваше преподобие!

ПРОТОПОП. Ишь ты! Уже прознал?

ВАВА. Так всем известно, что вас в протоиереи посвятили. Потому и обращение уважительное.

ПРОТОПОП. Да уж ты мастак кучерявых слов насыпать. Ну и как тебе здесь сторожем, лучше, чем у меня?

ВАВА. Зачем же сторожем? Я сюда в певчие переходил.

ПРОТОПОП. Как в певчие? Ты же петь не умеешь.

ВАВА. И не умевши поют.

ПРОТОПОП. Да у тебя и голоса нет.

ВАВА. Божественное можно петь и без голоса. Я не только пою и читаю зычно. Меня батюшка Никодим в дьячки определил, а ежели в дьяконы рукоположит, то я уж буду духовного сословия.

ПРОТОПОП. Да уж понятно, что ты здесь от подушных податей скрываешься, да чтоб в солдаты не забрали. То-то я смотрю, и подрясником разжился.

ВАВА. Это мне отец Никодим свою прежнюю отдали.

ПРОТОПОП. Вот отец-то Никодим и присоветовал мне тебя найти. Мы с ним вчерась в карты винтили, и рассказал я им под конец про то, что ко мне обратилась дочернина подруга со своей бедой. Муж у неё обманным образом повенчался не на ней, а на её подруге, и теперь обратно никак, осталась она с детишками без всякого содержания, жить не на что, и ничем уже горю её не поможешь. Отец Никодим, когда уже из дому вышли, говорит по секрету. А может ещё и можно чем пособить вашей протее. Да чем же, говорю, можно пособить, разве что, если только

развод произвести, да у них, верно, и денег-то на развод нет. А он смеется, я, говорит, кажется, помню того ветеринаришку, это я их венчал. Там может и развода никакого не надобно. Там надо бы посмотреть запись в книге, да есть ли у них свидетельство. Сказал, что ты-то для меня расстараяешься. Вот я и пришёл, чтобы ты посмотрел для меня записи в обыскной книге.

ВАВА. Это можно. Для вас чего ж не посмотреть? Да я и так скажу.

ПРОТОПОП. У вас ранней весной венчался один ветеринар с акушеркою по фамилии...

ВАВА. Помню, как же. Тайно венчались, чтоб подешевле. Да он приходил не так давно. Ветеринар этот.

ПРОТОПОП. А чего приходил?

ВАВА. За свидетельством и приходил. Говорил, что вот, я у вас венчался, а свидетельства нет, мне теперь надобно свидетельство. А я ему: не помню, когда вы венчаться изволили, надо в обыскной книги посмотреть.

ПРОТОПОП. Как же не помнишь, если говоришь, что они тайно венчались.

ВАВА. Мне так батюшка велел отвечать. Потому как посмотрели мы в книгу, а там записи-то и нет. Поэтому какое может быть ему свидетельство?

ПРОТОПОП. Постой, постой, так он венчался или не венчался?

ВАВА. Венчался, а вроде как и не венчался. Это я только вам говорю.

ПРОТОПОП (*засмеявшись*). Э, да вы ещё те гаврики!.. Ну, отец-то Никодим известно, человек крепко кованный, его не ухватишь. Вот чего ты к нему служить-то перешёл. Здесь выгодней?

ВАВА. Так у вас-то всё по чести, да по правде. А теперь-то куда смелее крутят, а через то служить авантажнее. Отец Никодим давно меня к себе кликал.

ПРОТОПОП. Так ему такие-то лукавцы и нужны. Ох и попадётся вы со своим авантажем.

ВАВА. Тут механика хитрая. Они ж хотят поскорей да подешевле. Теперь человек и любит как-нибудь, и венчается как-нибудь, без понятия. Вы бы их венчать отказались? Потому как не в своём приходе, и документики у них ледащенькие. А нас ежели просят сделать подешевле, то отчего ж не сделать?

ПРОТОПОП. Так получается, что ничего и не было? Даром, что венчались?

ВАВА. Они ж ангелисты. В Бога не верят, в церковь не ходят, на церковь и гроша не подадут, служения не видят и не знают, что над ними делается, крестят, венчают или хоронят. Одичали совсем. Это по-старинному, за помещичью или гусарскую цену, если венчали тайно, то уж как положено. А теперь-то и разночинец полез тайнобратиться.

А для них, которые хотят венчаться подешевле, для сохранения таинства, то и делается подешевле и тайно. Им же всё-одно, что над ними пропели, «Исайя, ликуй!» или просто молебен.

ПРОТОПОП. Постой, постой, а как же запись в книге? Ведь он же расписывался? А свидетели?

ВАВА. Он, когда пришёл с батюшкой договариваться, чтоб за тридцать рублей повенчал, то батюшка ему своё условие, что свидетели будут наши. Поэтому и запись была, и расписывались, и он и свидетели...

ПРОТОПОП. А теперь и записи нет, и свидетелей не сыщешь? Ловко. Так что же это, у вас другая книга есть? Консистория же только одну книгу на приход выдаёт. Откуда у вас другая?

ВАВА. Да вам-то про то зачем знать? Одна у нас книга или две? Они-то, если такие умные да учёные, смотреть должны, где расписываются. А ежели не смотрят, то с нас какой спрос? Откуда мне знать, куда этот ветеринар роспись ставил? У нас его росписи нету. А то, что ему теперь свидетельство нужно, то к батюшке Никодиму какой спрос? Он разве обещал ему свидетельство? Он обещал обряд тайнобрачия свершить за малые деньги. А какой он был, тот обряд, кто ж теперь упомнит? Ежели они решили тридцатью рублями осчастливить, то на эту цену и будет с них без всякого свидетельства.

ПРОТОПОП. Ну, просто любо-дорого, комар носу не подточит. Значит, ежели он как бы и не венчан, то ему и в другой раз венчаться можно?

ВАВА. Конечно, можно, отчего ж нельзя? Только я вам про то ничего не сказывал.

ПРОТОПОП. Да уж я тебя, выжигу, знаю. Потому и отпустил тогда поскорее. Значит, говоришь, скоро будешь духовного сословия? Так ты же семинарии не кончал. Тебя же выгнали. Любой крестьянин выше тебя по трудолюбию, почтительности и стыду. В тебе же одна алчность да лень.

ВАВА. Я усердной службой доказал. Целоденно молюся.

ПРОТОПОП. Ох, и допляшемся мы под кадрили всероссийского бесстыдства.

Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Горница, за окнами темно. На столе лампа.

Входит Маланья с керосиновой лампой меньшего размера.

МАЛАНЬЯ. Батюшка, к вам пришли.

ПРОТОПОП (*встаёт, кряхтя, с лавки*). О, Господи, только задремал. Кто там?

МАЛАНЬЯ. Да ваша мадамка вдвоём пришли.

ПРОТОПОП. С кем?

МАЛАНЬЯ. Жених ейный, что ли, не знаю.

ПРОТОПОП. Пусть чуток подождут и входят.

МАЛАНЬЯ. Как же вы гостей тут принимаете? И мне прибраться не даёте. Жилище совсем нелюдимое стало. У нас старыми фортепьянами пахнет.

ПРОТОПОП. Фортепьяно в той комнате, чего ворчишь? Ступай, делай, что велено.

Маланья выходит.

Отец Алексей идёт в закуток, выходит в подряснике.

Садится за стол, надевает очки, раскрывает книгу.

Входят Анюта и Ветеринар. Крестятся, кланяются.

ВЕТЕРИНАР. Здравия вам, отец Алексей.

АНЮТА. Вот, батюшка, привела. Вот он и есть.

ПРОТОПОП. Ага, ну что ж... *(Выходит из-за стола, подходит, рассматривает Ветеринара.)* Ну что ж... Я хоть и стал благочинным, вы меня не бойтесь, я простой священник. Ваша жена, с которой вы детей нажили, рассказывала, будто вы попали в некую комбинацию. А вы что скажете?

ВЕТЕРИНАР. Я обманут низостью, какой не ожидал. Жена моя... Не эта, а на которой повенчан... Она уверяла будто ей нужно выйти замуж только для того, чтобы от родительской власти освободиться, а потом стала требовать, чтобы я Анюту бросил, с нею на одной квартире жил, и чтобы ей на содержание давал. А потом к ней стали ходить полицейские, и она стала меня пугать.

ПРОТОПОП. Чем? *(Пауза.)* Чем пугать стала? Донос какой-нибудь хотела сделать?

ВЕТЕРИНАР. Вероятно.

ПРОТОПОП. Вы разве в чём-нибудь замешаны?

ВЕТЕРИНАР. Нет, я не замешан, что вы. Мы все ещё со студенческого времени просто так боимся, без всякого замешательства. А она теперь и сама в полицию акушеркой поступила.

ПРОТОПОП. Она в полиции, а вы где служите, под чьим начальством?

ВЕТЕРИНАР. В губернском ведомстве генерала Хвостова.

ПРОТОПОП. Ага, знаю, знаю... А у тебя, голубчик, в формуляре-то записано, что ты женат?

ВЕТЕРИНАР. Нет, не записано.

ПРОТОПОП. А венчальное свидетельство есть?

ВЕТЕРИНАР. Тоже нет.

ПРОТОПОП. Почему же?

ВЕТЕРИНАР. Не дали. Когда венчались, о том разговору не было, и я не спросил. А потом акушерке на службе свидетельство понадобилось, я ходил, так дьячок говорит, какое же вам свидетельство, если записи в книге нет.

ПРОТОПОП. Как это нет?

ВЕТЕРИНАР. Да так, что и нет. Я помню, как роспись ставил, а теперь её нету.

ПРОТОПОП. А свидетели что же?

ВЕТЕРИНАР. А свидетели были от батюшки. Дьячок теперь говорит, что не знает никаких свидетелей, и батюшку тревожить по таким пустякам не хочет.

ПРОТОПОП. Вот так патока с имбирём – ничего не разберём. Ну, раз нет, то и нет, музыка известная. Выходит, что ты как бы и не женат?

ВЕТЕРИНАР. Как же это? Венчанье было.

ПРОТОПОП. Так свидетельство-то где? Если в обыскной книге даже записи нет, то что выходит? *(Пауза.)* А теперь отвечай мне вот что. Хотел бы ты иметь женою вместо той акушерки Нюточку? *(Пауза.)* Что ж ты молчишь? У неё от тебя дети.

ВЕТЕРИНАР. Я в убеждениях своих против брака.

АНЮТА. Как же это, Господи?..

ПРОТОПОП. Ага, ишь какой. А по доброму порядку, когда человек с женщиной детей прижил, так ему эти рацеи надо в сторону. Женись-ка, брат, на ней, да и баста.

ВЕТЕРИНАР. Так ведь это невозможно. Я же венчанный.

ПРОТОПОП. Как же венчанный, если по всему получается, что невенчанный? Невозможно, говоришь? А если б было возможно, то женился бы? *(Пауза.)* Опять молчишь? Стало быть, ты, брат, лукавишь. Передо мной, слугою Божиим, лукавишь. А вы, Нюточка, желали бы его женою быть?

АНЮТА *(твёрдо)*. Да.

ПРОТОПОП. Ну, что ж ты пнём стал?

ВЕТЕРИНАР. Меня раз обманули, больше не попадусь.

ПРОТОПОП. Это кому же не попадётся? Женщине, которая ваших детей таскает и тебя любит?

ВЕТЕРИНАР. Я могу жить только граждански.

ПРОТОПОП. Ага, граждански только, ну и хорошо. Ты граждански денег ей давать будешь? Ей жилья снять не на что, детей кормить нечем. Знаешь, где она детишек оставила?

ВЕТЕРИНАР. Знаю. Я готов с ней жить и денег на содержание давать, а как же акушерка с полицейскими?

ПРОТОПОП. С ними я улажу. Тебе-то чего их бояться? Если ты ни на чём не замешан? Вот и не бойся. Ступай с Богом. *(Крестит его.)* Нюточка, проводи гостя и сюда воротись.

Анюта и Ветеринар выходят.

Отец Алексей идёт к столу, достаёт лист бумаги, чернильницу, перьевую ручку.

Анюта возвращается.

АНЮТА (*тяжело вздохнув*). Ушёл. Ничего не сказал.

ПРОТОПОП. Чего ты в нём нашла? Обыкновенный фрукт нашего урожайного года. Не только глуп, но и хитёр.

АНЮТА. Он раньше интересный был.

ПРОТОПОП (*надев очки, строго*). Садитесь, барынька, пишите. Вы по переводам мастерица? Ну, так пишите, какой я вам перевод продиктую. (*Неторопливо диктует.*) Его превос-ходительству генералу Хвостову от такой-то... От себя, то есть... Докладная записка... Я, просительница такая-то, прижив внебрачно двоих детей со служащим вашего ведения таким-то, его имя-отчество, как положено, в чём он чистосердечно признался при священнике таком-то, то есть, при мне, при отце Алексее... И не получая от него ничего на содержание сих невинных малюток... Коим сама не в состоянии сыскать пропитания... А потому всепочтительнейше прошу побудить вашего подчинённого на мне жениться или по крайности оных малюток обеспечивать должным содержанием, по его средствам, вычитая из жалования. (*Пауза.*) Готово?

АНЮТА. А к чему это писано?

ПРОТОПОП. А к сему подпишитесь.

АНЮТА. Но ведь это донос.

ПРОТОПОП. Нет, это докладная записка. Донос подписывать грех, а докладную записку?

АНЮТА. Докладную записку я подпишу. (*Подписывает.*)

ПРОТОПОП (*берёт листок*). А теперь, милая барынька, идите в комнату, отдохните. Там дочерины книги остались, почитайте. Когда Маланья ужин подаст, кушайте сами. Меня в гостях накормят.

Затемнение.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Казённое помещение.

Отец Алексей стоит в рясе, с непокрытой головой.

Из двери выходит генерал в поношенном мундире.

ГЕНЕРАЛ (*раскинув руки*). О-го-го-го-го!.. Наконец-то я его лицезрею!.. Друг ты мой сердечный!.. Здравствуйте, ваше преподобие!.. К вам теперь лишь так обращаться положено?

ПРОТОПОП. Не срами ты меня, Егор Григорьевич!.. Здравствуй, радость моя. Ну, давай поцелуемся. (*Обнимаются, трижды целуются.*) Это по чину мне полагается такое обращение. А какой же я преподобный?

Я не святой, сам знаешь. Это монахи за веру страдают и терпят. А наше дело не роптать.

ГЕНЕРАЛ. Долго в консистории тянули с твоим посвящением, долго.

ПРОТОПОП. А у них на меня жалобы имеются по разным пустякам. Не всем я угоден. У меня к тебе дело, генерал.

ГЕНЕРАЛ. Ну вот, если в службу явился, так сразу и к делу. Мы как давно не виделись? Поговорить сперва надобно, отец Алексей.

ПРОТОПОП. Так я вчера к тебе на квартиру ввечеру приходил. Тебя не застал.

ГЕНЕРАЛ. Я вчера с инспекцией был на коннозаводе.

ПРОТОПОП. Поэтому сегодня к тебе в приказ. И это даже хорошо, что Господь так сподобил.

ГЕНЕРАЛ. Ты что же это, и вчера и сегодня пешочком?

ПРОТОПОП. Так это архиерею пешком выходить нельзя, чтоб не панибратствовать. У них только выезд. Вот и жиреют, как каплуны. А я ножками бегаю, живот не распускаю.

ГЕНЕРАЛ. Долго он тебя мурыжил, наш архиерей.

ПРОТОПОП. Мне теперь что? И терпенье в радость. Я вот по какому делу, Егор Григорьевич. *(Достаёт вдвое сложенный листок.)* Скажи, есть в твоём подчинении вот такой ветеринаришко? *(Показывает надпись в бумаге.)*

ГЕНЕРАЛ. Есть. А тебе-то он с какой надобности?

ПРОТОПОП. А вот хочу я, чтобы ты, мой ангел, повелел ему на одной мамзельке жениться.

ГЕНЕРАЛ *(расхохотавшись)*. Ты что же это, поп-чудила, выдумал? В моей власти лишь кобылы свадьбы, потому как моё ведомство по конским хвостам. Человеческие браки по твоей части.

ПРОТОПОП. Нет, Егор Григорьевич, живулька ты моя, не говори глупостей. У русского генерала всё во власти! Я иначе не верую. Не огорчай меня, не отказывайся от христианского дела. Повели дураку жениться на дуре, чтобы вышла целая фигура, а то мне их ребят очень жалко.

ГЕНЕРАЛ *(смеясь)*. Да с какой стати? Ты чего удумал, твоё преподобие? Зачем?

ПРОТОПОП. Нет, ты не смейся, ангел мой. Это дело серьёзное. Вот, прочти-ка. Это про него написала эта самая дама, которую он охмурил, у неё деточки от него, а он содержать их не хочет. Только знай, это не донос, это докладная записка, тебе предупреждение, что под твоим началом лживый плутишка служит.

ГЕНЕРАЛ *(взяв бумагу)*. В моём ведомстве плутовство? Да сейчас каждый второй шельмец да прохвост, что ж делать? *(Читает.)* Если детишки малые, то это конечно... Это нехорошо...

ПРОТОПОП. Понимаешь ли, что если такую жалобу подавать куда-то по каким-то ведомствам, чтобы разобрались хоть по какой-то правде, то для всех будут одни мучения. Расспросы, разговоры. Это дело ни в один конклав пускать нельзя, чтобы люди не страдали. Зачем же страдания устраивать, если ты по-генеральски, один все дело поправить можешь.

ГЕНЕРАЛ. Да как? Каким манером?

ПРОТОПОП. Просто. Повели жениться и баста. Ты же его начальник.

ГЕНЕРАЛ. Я выгнать его могу. А принудить жениться – не имею права.

ПРОТОПОП. Тпру, тпру, остепенись. Что ты такое говоришь? Как можно человека выгнать, да ещё такого глупого? Куда он, дурак, без казённой службы годится? Нет, ты, Егор Григорьевич, сердца-то своего не ожесточай. Ты его потребуй перед себя и накричи.

ГЕНЕРАЛ. Как это? Что же я буду кричать?

ПРОТОПОП. Да что хочешь, то и кричи. Только посердитее. Но если заметишь, что он отвечать хочет, вот этого не допускай. Топни и скажи: «Молчать!»

ГЕНЕРАЛ. Только этого и просишь? И с тебя того будет довольно?

ПРОТОПОП. Совершенно, душа моя. Только, пожалуйста, посердитее. И чтоб не смел отвечать!

ГЕНЕРАЛ *(рассматривая бумагу, вздыхает)*. Ну, изволь. *(Находит колокольчик, звонит, подходит к двери, в которую вошёл.)* Ты пока это, вон там за ширмой посиди, послушай, что выйдет. Только я ни за что не ручаюсь.

ПРОТОПОП. И не надо ручаться. Ты сделай только своё начальственное дело. И построжее. *(Уходит в угол.)*

ГЕНЕРАЛ *(громко, в дверь)*. Позвать ко мне младшего ветеринара! Быстро! *(Прохаживается, пробуя голосом суровые тональности, кашляет.)*

Входит Ветеринар.

ВЕТЕРИНАР. Звали, ваше превосходительство?

ГЕНЕРАЛ. Ты что же это?.. *(Медленно идёт на Ветеринара.)* Чтобы у меня в ведомстве плутовать? Не потерплю! *(Показывает ему листок.)* Знаете ли вы, милостивый государь, какая женщина это пишет? Молчать! Почему вы на ней жениться не хотите? У неё же от вас дети. Молчать! Знать ничего не желаю. Слышите?

ВЕТЕРИНАР. Слу-слу-слушаюсь.

ГЕНЕРАЛ. Завтра чтобы мне брачное свидетельство было. Слышите?

ВЕТЕРИНАР. Слу-слу-слушаюсь.

ГЕНЕРАЛ. Вон! И до тех пор на глаза мне не смей показываться. Слышите?

ВЕТЕРИНАР. Слу-слушаюсь.

ГЕНЕРАЛ. Деньги на свадьбу есть?

ВЕТЕРИНАР. Нет. *(Радостно.)* Денег у меня нету!

ГЕНЕРАЛ. Вспомоществование дам. Слышите?

ВЕТЕРИНАР *(печально)*. Да.

ГЕНЕРАЛ. Батюшка, пожалуйста сюда.

Отец Алексей выходит из укрытия.

ВЕТЕРИНАР. Это вы?

ГЕНЕРАЛ. Извольте, батюшка, взять этого соблазнителя. Он девицу соблазнил, у неё от него дети, а потому должен немедленно быть с нею обвенчан. Молчать! Прошу вас исполнить это и завтра же прислать мне его брачное свидетельство.

ПРОТОПОП. Сегодня же исполню.

ВЕТЕРИНАР. Да как же это?..

ПРОТОПОП. Извольте, сударь, идти ко мне в дом, там в дочериной комнате Анята дожидается. Приготовьтесь.

ВЕТЕРИНАР. Да что же это?..

ПРОТОПОП. Что такое? Вам генерал что повелел? Он же приказал. Генерал вам что приказал?

ГЕНЕРАЛ. Я батюшке сам денег передам на венчание. *(Строго.)* Слышите?

ВЕТЕРИНАР. Слушаюсь!

ГЕНЕРАЛ. Вон!

Ветеринар быстро выходит.

ГЕНЕРАЛ *(засмеявшись)*. А, как? Каково я кричу?

ПРОТОПОП *(тоже смеясь)*. Мне особо понравилось, как ты это крикнул: не потерплю!

ГЕНЕРАЛ. Только денег-то на венчанье ты от меня не получишь.

ПРОТОПОП. Да я тебе и за эту работу благодарен, что ты! Ну какая ж ты умница! Только знаешь, друг любезный, надо бы это дело завершить.

ГЕНЕРАЛ. Да что ж ещё-то?

ПРОТОПОП. Я их сегодня же повенчаю. Если он упираться станет, что венчан, то сегодня его разведу, а завтра с утра перевенчаю. А потом надо бы их куда-нибудь сплавить.

ГЕНЕРАЛ. Куда?

ПРОТОПОП. Назначь его куда-нибудь в провинцию должность занимать. По твоему ведомству должностей разве нету?

ГЕНЕРАЛ. Да в уездах ветеринары хорошие нужны. Только он же ленив. Я его на младшую должность-то взял по протекции.

ПРОТОПОП. Ты, главное, отправь. Назначь. А там он успокоится, с простыми людьми в разум войдёт, и, глядишь, делом займётся.

ГЕНЕРАЛ. А что? Может из него и толк выйдет?

ПРОТОПОП. С Божьей помощью.

Затемнение.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Горница в доме отца Алексея.

Он, Анята и Ветеринар.

АНЮТА. Уж и не знаем, как вас благодарить-то, батюшка.

ПРОТОПОП. Далеко до вашего места?

АНЮТА. Говорят, вёрст сорок. К вечеру будем.

ПРОТОПОП. Ну и поезжайте с Богом. *(Крестит их.)* Как устроитесь, напишите, а я дочери сообщу, а она уж потом вам сама напишет. Она рада будет. Вы на чём едите?

АНЮТА. Генерал коляску дал, так что всё устроилось как нельзя лучше и желать. Благодаря вам. *(Кланяется. Затем толкает мужа в бок.)* А ты чего молчишь?

ПРОТОПОП *(ветеринару)*. Генерал остался доволен вашим брачным свидетельством?

ВЕТЕРИНАР. Да. Должность мне сразу выправил. На дорогу дал. Анята, ты иди, я сейчас.

Анята выходит.

ПРОТОПОП. Ещё чего сказать хотите? Ну, так говорите, чем так стоять.

ВЕТЕРИНАР. Вы, батюшка, отец Алексей, отвечать будете.

ПРОТОПОП. За что же?

ВЕТЕРИНАР. За вами содеянное. Я акушерке всё рассказал, как вы нас окрутили, так она теперь на вас управу искать будет.

ПРОТОПОП. Пусть ищет. На меня много раз жаловались, я уж привыкший.

ВЕТЕРИНАР. Вас к ответу призовут.

ПРОТОПОП. А вот это уже не твоё дело. Призовут и отвечу. Чего с меня спрашивать? Мне начальство приказало венчать, а я власти покорный. Ступай с Богом. Она хоть и говорит, что ты развит, да я что-то не вижу.

Ветеринар выходит.

Затемнение.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Улица.

Отец Алексей, идущий в рясе и скуфейке, останавливается.

ГОЛОС ВЕТЕРИНАРА. Ваше преподобие!.. Ваше преподобие!..

Подбегает Ветеринар, одет не так, как в предыдущей картине, в другом сюртуке и цилиндре.

ПРОТОПОП. Ого!.. Да ты ли это?..

ВЕТЕРИНАР. Ваше преподобие, позвольте руку поцеловать!..
(*Тянется к руке.*)

ПРОТОПОП. Э, ты чего, да не лезь!.. (*Отталкивает его.*) Чего кидаешься? Зарезать, что ли, хочешь?

ВЕТЕРИНАР. Да вы что, батюшка!.. Как можно?.. Я же с превеликой благодарностью!.. Вы же меня счастливейшим человеком сделали!..

ПРОТОПОП. Ну вот. То недоволен был, грозился меня к ответу призвать, а теперь чего?

ВЕТЕРИНАР. Я теперь в церковь хожу, за вас молюсь, и во ваше здоровье самые дорогие свечи ставлю!

ПРОТОПОП (*весело*). Да что такое приключилось-то?

ВЕТЕРИНАР. Генерал же меня отправил помощником. Мы приехали, а самого-то ветеринара и нету, то ли помер, то ли пропал, и не сказывают когда. Исправник меня сразу на его должность, главным, лучшее жильё казённое, дрова, всем обеспечил. Да всё выспрашивает, кто я генералу буду и зачем прислан. Боится чего-то. А мы теперь с Анютой и едим вволю, и хозяйство своё, и прислуга, и жалованья почти тратить не надо!.. Вот, Анюта вам лукошко яиц передала в благодарность. Велела непременно руки целовать.

ПРОТОПОП. Благодарность приму, чего же не принять. (*Берёт маленькую корзинку, укутанную полотном.*) А чего ты здесь, на улице? Пришёл бы ко мне.

ВЕТЕРИНАР. Я только что заезжал к вам, вы ушли. Я недавно приехал почтовым экипажем. Повозка там стала, потому как перерыто и грязь, лужа большущая. Не проехать. Глядь – вы идёте! Опять чудо. Вот у нас дороги!.. Я службу поставил как надо, по закону. Исправник всё делает, как я скажу. Новый двор заложили, чтоб конюшня чистая.

ПРОТОПОП. Стало быть, ты доволен? А ведь не хотел ехать.

ВЕТЕРИНАР. Да я не то что доволен, - я счастлив, ваше преподобие! И не знаю, как вас и господа благодарить!

*Женский голос: «Ага! Вот он где объявился!»
К ним подходит Барышня.*

БАРЫШНЯ (*ветеринару*). Ты что же, голубчик? Наговорил всякого, обманул, и съехал? Два месяца не видать.

ВЕТЕРИНАР (*растерянно*). Да как же это?.. Ничего я не обманывал.

БАРЫШНЯ. Не вздумай бежать! Вон там, за углом, полицейский чин стоит, мне только кликнуть.

ВЕТЕРИНАР. Да зачем же бежать? Я, конечно, спешу очень, мне в разъезжий приказ бумаги сдать, и к генералу надобно.

БАРЫШНЯ. Ты мне уж третий месяц денег не даешь на содержание.

ВЕТЕРИНАР. А я вам теперь денег никак давать не могу. Потому как у меня другая жена и дети.

БАРЫШНЯ. Это ты мне так наговорил тогда. Думаешь, я поверила? Сбежать от меня захотел? В управе, конечно, подтвердили, что тебя в уезд перевели. Но супругой твоей перед Богом я ведь являюсь. Так что давай решать, как ты мне платить будешь. А не то под арест пойдешь.

ВЕТЕРИНАР. Да что же это?.. У меня теперь самая что ни на есть законная супруга Анюта, мать моих детей. Нас вот, батюшка венчал.

ПРОТОПОП. Ты беги в управу-то, беги.

БАРЫШНЯ. Не сметь!

ПРОТОПОП. Поторопись. А то генерала не застанешь. Он ведь долго на службе не сидит, сам знаешь. Иди, иди, а я с барышней тут разберусь. (*Барышне.*) Вы уж, голубушка, служивому человеку препятствий не чините, не хорошо. У него служба, дело государственное. А за божьи дела как раз я отвечаю. Вот меня и спрашивайте. (*Ветеринару, строго.*) Ну, иди же, чего стоишь?

Ветеринар быстро уходит.

БАРЫШНЯ. Так это вы обвенчали его с Анюткой?

ПРОТОПОП. А вы та самая акушерка будете, про которую говорят, что уж больно развита, верно?

БАРЫШНЯ. Вы закон нарушили.

ПРОТОПОП. Какой же это закон я нарушил? В чём состоит моё нарушение?

БАРЫШНЯ. Вы венчанного человека перевенчали. Я уже в консисторию жалобу написала. Они вам разъяснят, в чём ваше нарушение. А не разъяснят, так я к архиерею пойду. А то и до самого губернатора. У вас права не было их перевенчивать.

ПРОТОПОП. Это кого же я не по праву перевенчивал? Его, ветеринаришку этого? Так он же не был ранее обвенчан. Вам ли не знать? Вы же его за свидетельством посылали. А свидетельства о вашем венчании не могло быть, потому что записей нет никаких. Поэтому кто вас венчал, поп у аналая, или заяц у ракитового куста?

БАРЫШНЯ. Нас венчал батюшка Никодим в Зареченском приходе.

ПРОТОПОП. Аж в Зареченском? Отчего же далеко так? Почему не в своем приходе венчались?

БАРЫШНЯ. Наше супружество в церкви петое.

ПРОТОПОП. И вы слышали, как он призывал на вас Божье благословение? Или он пропел что-то из Евангелия?

БАРЫШНЯ. Да я-то не знаю, как положено, я и не слушала. Батюшка Никодим оказал нам милость.

ПРОТОПОП. Чего же лучше может быть поповской милости? Вы к нему и сходите. Если он вспомнит свою милость, что вас венчал, так и подтвердит вашу жалобу в консистории.

БАРЫШНЯ. Как же он вспомнит, коли записи нет? Я уж ходила. У него теперь новый дьякон, который говорит, что знать ничего не знает. Теперь концов не сыщешь.

ПРОТОПОП. Ну, а с меня-то какой спрос? Какой закон я нарушил? Я венчал того, кто имеет право. Если на него и на вас никаких записей нет, то как же вы говорите, что будто венчаны?

Пауза.

БАРЫШНЯ. Это что же получается, батюшка, что вы со мной особую штуку сыграли?

ПРОТОПОП. Какую штуку, что такое?

БАРЫШНЯ. Да по вашей милости я всё равно как будто протанцевалась.

ПРОТОПОП. А вы утешьтесь. Анюта сказывала, что вы будто дамочка развитая. Вот подумайте и не сердитесь напрасно. Разуменье дано нам от Господа.

БАРЫШНЯ. Даже не знаю, как и благодарить-то вас, батюшка.

ПРОТОПОП. И обращайтесь ко мне в следующий раз – ваше преподобие. Мне так по чину положено. Вы уж запомните. *(Глядя на корзинку.)* Ну вот, теперь домой возвращаться, яйца отнести. А уж потом в гости.

БАРЫШНЯ. За что же вам такой подарок? Это он вам передал, я видела.

ПРОТОПОП. Это от вашей бывшей подруги Анютки. На глупой доверчивости которой вы комбинацию исхитрили.

Затемнение.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Гостиная в доме генерала.

Появляются тяжёлой походкой отец Алексей и Генерал.

ПРОТОПОП. Ох и накормил!.. Угостил знатоцки!.. Куда ж это я так натрескался? Особо мне груши понравились.

ГЕНЕРАЛ. С юга привезены. Сорт «принц-мадам»! А как тебе лимонад-бишквит? Моего повара изобретение.

ПРОТОПОП. Ничего, ничего...

ГЕНЕРАЛ. Ничего? Вот за карты сядем, я велю подать мой самый редкий напиток. Только у меня. Суровец! Тёртый хрен с белым квасом. Долго вспоминать будешь и другим рассказывать. Ты ж в кои веки у меня в гостях?

Садятся.

ПРОТОПОП. Ну, а когда это самое?.. *(Показывает, как тасуются карты.)* Мы хоть и вдвоём, да завили бы с двумя болванами.

ГЕНЕРАЛ. Сейчас, жена уйдёт к соседке, и мы с тобой раскинем. Эх, как бывало!.. *(Потирая руки, встаёт, идёт к выходу, прислушивается, идёт обратно.)* Собирается!.. *(Присаживается.)* Она у меня строга стала насчёт карт. Бранится. А вот объявился у нас молодой генерал по другому ведомству, тот у себя принимает. Ты его не знаешь, я тебя с ним познакомлю. У него жена хоть и глупа, но хорошенькая. Всему рада. Вот мы у него и винтим.

ПРОТОПОП *(весело)*. Это не к нему ли ты ездешь с инспекциями по коннозаводским делам?

ГЕНЕРАЛ *(с укором)* Ну ты потише... Чего так громко смеёшься?.. *(Встаёт, вновь идёт к выходу. Громко.)* Кто там?.. *(Слышен женский голосок: «К тебе какой-то молодой господин!..»)* Ну, пусть войдёт! Кого это несёт нелёгкая? А может и хорошо, будет третьим как раз.

Входит Ветеринар.

ВЕТЕРИНАР. Здравия желаю, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛ. Это ещё что? Ты как здесь?

ВЕТЕРИНАР. Я в управские службы бумаги отвозил. Вас в приказе не застал.

ГЕНЕРАЛ. А чего ты-то бумаги развозишь? Разве это твоя обязанность?

ВЕТЕРИНАР. Это я заодно, ваше превосходительство. Это мне легко. Исправник просил, так чего ж не исполнить? А вам пакет велел передать. Лично в руки.

ГЕНЕРАЛ *(строго)*. Так что ж ты сюда? Я дома делами не занимаюсь!

ВЕТЕРИНАР. Так вас я в службе не застал. С бумагами отчитался. А пакет велено лично.

ГЕНЕРАЛ. Так завтра бы!

ВЕТЕРИНАР. Никак не могу до завтра. Мне обратно сейчас. Экипаж почтовой службы. К полуночи обязаны дома быть. Извольте принять, ваше превосходительство?..

ГЕНЕРАЛ. Что в нём?

ВЕТЕРИНАР. Там... Я не знаю, что там. Велено передать. И на словах от исправника нижайшая просьба. Службу конную ставим нынче, как вы приказывали. Двор и конюшню строим новые. Так что с инспекцией, пожалуйста, осенью.

ГЕНЕРАЛ. Ага, ишь он прохвост какой!.. Осенью. Это уж как я решу. Ладно, давай пакет.

ВЕТЕРИНАР. С моей превеликой благодарностью! *(Вручает пакет.)*

ГЕНЕРАЛ *(принимая пакет)*. С благодарностью за что?

ВЕТЕРИНАР. Ну как же, ваше превосходительство... Вы же меня счастливейшим человеком сделали. Я-то думал, что меня в уезд, как в наказание, а оказалось, что о лучшей доле и мечтать не мог.

ГЕНЕРАЛ. Это как же понимать?

ВЕТЕРИНАР. Да у меня там всё есть! Кто я был здесь? Да никто. А там я уважаемый человек. Исправник меня даже побаивается. Думает, что я обо всех его делишках вам докладываю. Потому-то меня к вам и прислал. С пакетом и просьбою.

ГЕНЕРАЛ *(ощупывая пакет)*. Ладно, я потом вскрою. Значит, говоришь, очень рад, что я тебя туда отправил?

ВЕТЕРИНАР. Да я же теперь счастливейший из живущих! За что вам нижайшая благодарность. И вам и батюшке. *(Кивает на отца Алексея.)* Если бы не он!.. Я уж ему и кланялся, и на словах, и от жены гостинчик передал. Я-то, дурак, рассерчал поначалу, думал, что меня обвели, а оказалось вот оно как.

ГЕНЕРАЛ *(подойдя к нему вплотную, тихо)*. А скажи-ка, голубчик, твоя жена батюшке... *(Кивает за спину на сидящего протопопа)*. Она ему кто? Родственница?

ВЕТЕРИНАР. Нет.

ГЕНЕРАЛ. Ну, может, какая дальняя?

ВЕТЕРИНАР. Никак нет, ваше превосходительство. Я сам удивлялся и выспрашивал у неё.

ГЕНЕРАЛ. То есть, он вас обвенчал и хлопотал за вас как бы ни за что?

ПРОТОПОП *(подходя к ним)*. Да почему же ни за что? Я волю Господню исполнял. Это была милость Божья.

ВЕТЕРИНАР. Ещё раз низкий вам поклон, отец Алексей!.. *(Кланяется.)* И вам, ваше превосходительство... *(Кланяется ещё раз.)*

ГЕНЕРАЛ. Ну, всё, давай, ступай.
 ПРОТОПОП. Иди с Богом. *(Крестит его.)*

Ветеринар выходит.

ГЕНЕРАЛ. Радуется, что счастливейший!.. Вот дурачок... Значит, говоришь, эта самая дама из Амстердама она для тебя никто? *(Прячет пакет в укромное место.)*

ПРОТОПОП. Совершенно.

ГЕНЕРАЛ *(весело)*. Так уж и никто?.. *(Грозит пальцем.)* Ох, преподобие!..

ПРОТОПОП. Она с моей дочерью в гимназии училась, я же сказывал. На фортепьяне у нас разом играли.

ГЕНЕРАЛ. Чего же ты за неё так хлопотал? Меня кричать заставил. Венчал же даром почти? Без всякой корысти?

ПРОТОПОП. Совсем даром. Дьякону из своих уплатил. И не поверишь, Егор Григорьевич, это было у меня самое легкое венчание. Никого так светло не венчал.

ГЕНЕРАЛ. Я никак не пойму, чего ради? Детей малых пожалел?

ПРОТОПОП. Котятки-то не виноваты, что у них отец плутоват.

ГЕНЕРАЛ. Да таких сколько угодно повсюду, всех не пережалеешь.

ПРОТОПОП. Да я как её увидел!.. Она живёт-то по-божески и через то страдает. Простая и доверчивая. Да что ж я за пастырь, коли послушную овцу уберечь не могу? Пусть её волки жрут? Она ему поверили, согласилась гражданским браком жить. Подружке поверила, что той фиктивный брак нужен. Была бы круглая дура, то и ладно, а она же людям верит, как Бог велит. Подруга, думаю, ветеринару этому тоже что-то посулила, иначе бы он идти в церковь не согласился. Вот оба умника и влипли. Думали, как повыгоднее, а оказалось, что ничего и не было.

ГЕНЕРАЛ. Да-да, мне его приятель по службе рассказывал, что он вроде и венчанный, а в тоже время как бы и нет. Посмеялись мы оба.

ПРОТОПОП. Сейчас же все умные-разумные, учёные да литераторы. Сведали, что попы могут венчать без затруднений и думают, что так все делают, так не страшно. А поп попу рознь. Честный-то откажется, а иной слукавит. Вы хотите подешевле, да чтоб тайно, – извольте. А потом оказывается, что ничего и не было. Она вроде как мамзелька развитая-учёная, а получилось, что дура и есть. Они же церкви не знают, на церковь денег не дают. Такие псалтырь не закажут. Вот церковь-то и беднеет. А от бедности и заводится у нас всякая плесень да гадость. Потому и говорят всё громче, что церковники известные винокуры и бедокуры. Вот и катимся неизвестно куда. Да ты и сам знаешь, чего это я расфилософился?

ГЕНЕРАЛ. Приглядеться если, то не только от бедности. От богатства излишнего беды не меньше.

ПРОТОПОП. Разумом-то людишки развиваются, а душой как были черствы, так ещё хуже становятся. Честным должно быть выгодно. А ежели выгодней плутовать да мошенничать – будет всё хуже и хуже. Вот честные у нас и повывелись.

ГЕНЕРАЛ. Ну, не все...

ПРОТОПОП. А может, так и должно быть по Господнему промыслу. Честные с Богом, а воришки на другом берегу, в душевных болотах. Не мог я ей не помочь. Меня только в протоиереи посвятили, а тут является ко мне бедная душа. Да что ж я, не смогу? К тому же комбинация казусная, как тут поможешь? Поэтому и решил я схитрить. Если вы такие развитые, то и я не лыком шит. А пойдика она со своею жалобой через настоящие власти? Какая бы кутерьма поднялась? Потому что закон и высокое начальство к глупости человеческой снисхождению не могут оказать. А мы, люди малые, можем и должны. Они хоть и дурачки, да наши. Ты же тогда в охотку кричал? Тебе же весело теперь, что ты дурочке помог, а хитреца своего приструнил.

ГЕНЕРАЛ. Вот гляжу я на тебя и завидую. У тебя лицо добротой светится. По всему выходит, что ты для нас самый преподобный и есть. И по званию, и по обращению, и по делам. Я и раньше-то тебя любил, а теперь всем в пример ставить буду. Вот как жить надобно.

ПРОТОПОП. Ну уж, ты не перегибай.

ГЕНЕРАЛ. А к этому самому попу-лиходею, который венчанья лукавые ставит, ты как?

ПРОТОПОП. К отцу Никодиму? Так он же кому лукавства делает? Тем, кто от церкви отвернулись. Так это им как бы в наказанье.

ГЕНЕРАЛ. Как же он не боится?

ПРОТОПОП. От жадности и бедности. Да что ж я доносить на него пойду? Он же мне как раз и подсказал, что выход может и есть для глупой моей знакомицы. А грехи малые они у всех имеются. Вот мы с тобой не грешим разве? (*Весело.*) Такие вот они, бремена наши тяжкие и грешные.

ГЕНЕРАЛ (*толкнул отца Алексея игриво в бок*). Так уж и тяжкие?

ПРОТОПОП. Только на Господа и уповаем. Он ведь как рече? Аще могу – помогу. Вот и не надо отчаиваться!

Хохочут.

КОНЕЦ

